

Генерал-адмирал

Автор:

Роман Злотников

Генерал-адмирал

Роман Валерьевич Злотников

Генерал-адмирал #1

Потерять руководящий пост в компании, особенно если ты профессионал в узкой области, – это проблема. Однако Алексею Андреевичу Коржину повезло: ему не только предлагают работу, но и дают возможность воздать по заслугам обидчикам. И надо же было перед решающими переговорами свалиться с лошади! Очнулся Коржин там, где и падал, – в Санкт-Петербурге. Только не в XXI веке, а в XIX. И из зеркала на него смотрела не собственная стареющая физиономия, а лицо 33-летнего генерал-адмирала Российского флота великого князя Алексея Романова...

На престоле император Александр III, страна богата непризнанными талантами – Попов, Тимирязев, Мичурин, Мосин. За границей Хайрем Стивенс Максим испытывает финансовые трудности, Никола Тесла чувствует себя недооцененным. На Урале ждут залежи железной руды. На землях Трансвааля в Южной Африке пока не разведаны золотые россыпи. У России есть все, чтобы совершить промышленный и технологический рывок, которого не случилось в известной нам истории. Да и цесаревич Николай еще юн, и, как перед любым подростком, перед ним открыты все пути... Возможно, теперь все сложится иначе?..

Роман Злотников

Генерал-адмирал

Пролог

Я проснулся как обычно – без пятнадцати семь. Открыл глаза, несколько минут лежал, глядя в потолок, а затем повернулся на бок и протянул руку к смартфону. И лишь коснувшись своего НТС кончиками пальцев, внезапно вспомнил, что мне совершенно незачем смотреть, сколько там времени. Ну совершенно незачем. Потому что с сегодняшнего дня я безработный...

Все-таки бросив взгляд на вспыхнувший в темноте экран (ну, чтоб не зря тянулся) и зафиксировав, что проснулся точно как обычно, я еще немного полежал с закрытыми глазами, пытаюсь заснуть, но сон уже окончательно развеялся – пришлось все-таки встать и открыть окно. В лофт тут же ворвались морозный воздух и шум проснувшегося города. Я несколько мгновений постоял у окна, дожидаясь, пока чуть продрогну, затем начал энергично размахивать руками и приседать. Зарядка или, скорее, разминка заняла привычные сорок минут, дальше был холодный душ, после чего я, также как обычно, спустился в кафетерий, где чаще всего завтракал, если ночевал дома. В принципе, он открывался в семь тридцать, но до восьми – девяти посетителей там было раз-два – и обчелся, так что основной персонал приходил к половине девятого, а в семь тридцать появлялись только повар и один официант, отпиривший двери и потом скучавший час-полтора с редкими завсегдатаями. Наш дом считался элитным, и цены в кафетерии были соответствующими, то есть большинству «манagers» не по карману. А большинство из тех, кому они были по карману, предпочитали жить «по куршевельскому времени» – продирали глаза часам к десяти – одиннадцати и только к полудню сползались на «утренний» кофе. Ну, или заказывали его в свою квартиру. Я был одним из немногих ранних посетителей, и за четыре года, прошедших после того, как купил это жилье, весь персонал кафетерия я выучил наизусть, несмотря на свои нередкие и порой довольно долгие командировки.

Сегодня очередь открывать двери выпала Нюше. Она привычно улыбнулась мне и дежурно произнесла:

– Доброе утро, Алексей Андреевич, вам все как обычно?

Я так же привычно улыбнулся в ответ:

– Да, конечно, Анечка, – после чего сгреб с подставки бесплатные «Известия» с рыжеватой вкладкой «Финансовых известий» и, усевшись на свое, можно сказать, намоленное место в глубине зала, развернул хрустящий лист, все так же привычно выискивая взглядом колонки Лондонской и Нью-Йоркской бирж. Человек – раб привычки. Пусть мне это теперь и не надо, но...

Когда Ньюша принесла омлет с грибами и кофе, я отложил газету и принялся наблюдать, как она ловко все расставляет на столе. Еще пару дней назад я бы уже терзал смартфон, раздавая указания Георгию и Нине, а заодно поднимая по тревоге юротдел. Никель снова упал в цене, и серьезно, хотя аналитики в один голос утверждали, что цена на него достигла дна еще к прошедшим выходным. При такой цене норвежские рудники практически провалились ниже предела рентабельности, что неминуемо означало резкое падение стоимости их акций. Так что наклеывался неплохой шанс округлить активы, прикупив еще одну европейскую компанию. Но сейчас...

Омлет с трюфелями и крепчайший «Маунтин блю» сегодня проскочили в желудок как безвкусная овсянка. Я некоторое время посидел, размышляя, чем бы заняться, и бездумно гоняя пальцем по столу свой НТС. Ньюша, прискакавшая собрать грязную посуду, поинтересовалась:

– Опять куда-нибудь летите?

– Что? – не понял я.

Нюша покраснела:

– Ну, вы обычно как позавтракаете, так сразу в машину, а задерживаетесь, только когда улетаєте.

Я несколько мгновений недоуменно смотрел на девушку, потом улыбнулся. Ну надо же, какие аналитики здесь в кафе работают. И все-то они знают!

– Нет, сегодня я никуда не лечу. Просто... торопиться некуда, – не углубляясь, пояснил я. А когда Ньюша отошла, задумался. Может, и вправду куда-нибудь слетать? Скажем, в том же Куршевеле сезон еще не кончился, зато все пафосные рожи уже рассосались. Или на Мальдивы рвануть? Не как обычно, выспаться, а так, нормально – взять акваланг, поплавать, покормить огромных

мант... Прихватить с собой какую-нибудь длинноногую из «ищущих» и рвануть. Ей, конечно, ничего не обломится, но эти «модели, актрисы и телеведущие» – бабы простые и ласковые, вполне готовы обслужить по полной просто за недельку комфортного пребывания в хорошем отеле. Ну и за висюльку с брюликом. Вот если они вдруг посчитают, что брюлик мелковат, – тогда да, жди скандала. Их ведь волнует не то, что они продаются, девочки страшно боятся другого – как бы не продаться задешево... Ну да на эти мелочи деньги у меня были. И чем не выход? Все равно ведь делать нечего.

Но это были мысли на потом, на через несколько дней или как минимум часов, а вот чем мне заняться сейчас, я совершенно не представлял. Бориса на сегодня я отпустил, и хотя вызвать его проблемы не составляло, срывать водителя с дарованного ему выходного, не придумав ничего путного, было как-то глупо. Несмотря на то что он и так у меня не сильно напрягался. Уж так получалось, что в последние два года бо?льшую часть времени я проводил вне Москвы – на Урале, в Сибири, в Казахстане или еще дальше – в Австралии или, скажем, Южной Африке. Вот и в тот день, когда я узнал, что с понедельника останусь без работы, я как раз прилетел из Йоханнесбурга...

Москва встретила меня слякотью. Я спустился по трапу, поживаясь и кутаясь в летний плащ. Не говоря уж о том, что Йоханнесбург расположен в более теплых местах, там сейчас вообще лето. Как и во всем Южном полушарии. Так что я быстро сбежал по трапу и нырнул в теплое нутро автомобиля. Паспортный контроль пассажиры VIP-бортов проходят сразу по приземлении и сразу в салоне самолета. Не все, конечно, но я уже давно входил в обойму тех самых «не всех», которым положены некоторые эксклюзивные привилегии. Летаю часто, вот и пришлось озаботиться расширением списка удобств. Правда, это потребовало определенных расходов. Но ведь деньги – всего лишь инструмент обустройства жизни, и не более.

– Добрый вечер, Алексей Андреевич, – поприветствовал меня в аэропорту Борис. – К Николаю Сергеевичу?

Я мотнул головой:

– Нет, устал, так что домой. С Колей завтра пообщаемся, в офисе.

Борис надавил на газ, помолчал некоторое время, а затем этак осторожно спросил:

- Так вы ничего не знаете?

Я удивленно воззрился на его затылок:

- О чем?

- Так ведь Николай Сергеевич умер.

- Кто? - выдохнул я, почувствовав, как у меня сразу сел голос. - Коля? Когда?!!

- Да вы, наверное, как раз летели, - понимающе протянул водитель, - семь часов назад. Обширный инфаркт. Даже до больницы доехать не успели.

Я некоторое время сидел, совершенно выпав из реальности, не в силах поверить, что Кольки больше нет, а затем очнулся и понял, что водитель мне что-то говорит.

- Что? - переспросил я.

- Совсем, я говорю, здоровый был, - повторил Борис последнюю фразу, - Гриша его только неделю назад на обследование к Павлу Александровичу возил. Так вроде все нормально было.

Гриша был Колькиным водителем, а Павел Александрович - владельцем клиники, в которой наблюдался весь высший менеджмент нашей компании. Если бы не только что услышанное известие, я бы усмехнулся: как всегда, обслуживающий персонал знает о руководителях все и еще немного. Я именно потому и не держу помощницу по хозяйству, предпочитая вызывать для уборки квартиры клининговые фирмы, а питаться в кафе и ресторанах, что не хочу, чтобы вся моя подноготная была в относительно широком доступе. То есть если кто сильно захочет узнать, конечно, не уберешься - в составе той же клининговой бригады вполне может какое-нибудь «око» прикатить. Но я ничего серьезного дома не держу, так что это, скорее, попытка сделать так, чтобы детали моей личной жизни не обсуждались хотя бы в очереди в кассу

ближайшего супермаркета.

– ...А едва мы в офисе узнали, что Николая Сергеевича больше нет, так сразу эта нарисовалась.

«Эта» – так Борис говорил о Колькиной бывшей. Угораздило же Кольку в свое время попасться на удочку одной из «ищущих». Впрочем, что к чему, он понял довольно быстро и выкинул эту дамочку пинком под зад. Но вот ребенка заделать ей успел, в итоге у этой появился вполне легальный повод тянуть из Кольки деньги, что она и делала с виртуозным искусством. Если бы не Сергей Никанорович, Колькин отец, анекдот о том, что женщина способна сделать из мужчины миллионера в том случае, если он до этого был миллиардером, у Кольки воплотился бы в жизнь на сто процентов. Ну, почти. С учетом того, что миллиардером Николай так и не стал... Сергей Никанорович сказал: «С семейными делами разбирайся сам, в это я лезть не буду, но угробить компанию не позволю». И был вполне в своем праве – без связей отца Николаю никогда не удалось бы встать на ноги.

Узнав о ребенке, Николай даже попытался помириться с бывшей, он всегда говорил, что ребенок должен расти в семье. Но бывшая уже захомутала очередную «дойную корову», причем с намного более низким IQ. То есть нашла богатого, но тупого. В то время такие еще встречались... Короче, такого, который сумел быстро раскрутиться и срубить бабла, а вот потом, вместо того чтобы пахать, предпочел кидать понты и в свободное от сего занятия время прожигать жизнь на Канарах, в Куршевеле или Доминикане. Естественно, надолго этого типа не хватило. Они все рано или поздно ушли – кто под могильную плиту, кто обратно в продавцы семечек. Но к тому моменту второй подбородок у этой только-только наметился, а слегка округлившаяся фигура, на которую Коля в свое время и клюнул, еще не вышла за пределы параметров моделей, которые используют производители нижнего женского белья. Так что еще один «нормальный мужик» отыскался довольно быстро. Когда же деньги кончились и у этого, а под нижней челюстью у бывшей благоверной отвисло уже даже не два, а три подбородка, стало поздно. На ее счет Коля никаких иллюзий не питал, и за прошедшие четырнадцать лет она успела сделать из сына свое мелкое подобие. Парень прекрасно разобрался в марках модных домов, знал наперечет все самые крутые курорты и умел виртуозно раскрутить «папика» на очередной денежный транш, но к своим нынешним двадцати годам делать ничего не желал категорически – ни учиться, ни развиваться, ни заниматься хоть чем-нибудь. Коля предлагал сыну вложиться в любое дело, куда он только

захочет – хоть в модный дом, хоть в автодилерство, – но тот лишь кривил губы и с бесившим любого нормального человека апломбом заявлял, что работают одни лохи, а папик ему просто по жизни обязан, поскольку-де бросил во младенчестве, чем несказанно ранил его тонкую и нежную душу, так что пусть не дурит и отстегивает бабло. А он согласен только на то, чтобы умастить свою тугую, обтянутую модными джинсами от «Дольче и Габбана» попку в самолетное кресло бизнес-класса (а чё, как лох в экономе летать, что ли, да и задница в экономе уже не умещается) и мотануться позажигать на Ибицу. Ну или еще куда «в нормальное место». Травмированную душу малёха полечить...

Коля при любом упоминании о сыне мрачнел, накатывал стакан чего покрепче, но в запой не уходил и таблетки горстями не жрал, продолжая, впрочем, регулярно отстегивать солидные суммы на «содержание ребенка». Когда умер Сергей Никанорович, эта заявила на поминки и, никого не стесняясь, устроила жуткий скандал, требуя «уважать права ребенка, который только что потерял любимого дедушку». Ну, насчет любви она ни разу не угадала. Не было там никакой любви. Наоборот, Сергей Никанорович как-то даже заявил: «Я стыжусь, что в этом говне есть доля моей крови». Он вообще был суровый мужик, из настоящих, даже фронт зацепил, успев отвоевать два года «сыном полка». Когда мы с Колькой решили покинуть ряды нашей «непобедимой и легендарной», отец ему такой скандал закатил... Колька потом два месяца сигарету за сигаретой смолил, приходя в себя... Так что этой там ничего не обломилось. Даже увеличения ежемесячного содержания. Тем более что доля Сергея Никаноровича, составляющая ровно пятьдесят процентов, отошла даже не Николаю, а в какой-то непонятный фонд, образованный такими же, как Колькин отец, суровыми мужиками, из тех, кто вынес на своем хребте и войну, и атомную бомбу, и рывок в космос, при том до сих пор не продал себя, ничего не забыл и не простил. Никому. Но это я после узнал. А тогда я даже предложил Николаю прощупать, что там за фонд и как насчет восстановить справедливость. Но Колька меня оборвал: «Не лезь, Леха, там очень серьезные люди. Да и по справедливости всё. Ты что думаешь, те связи и деньги, на которые мы раскручиваться начали, они на нас из воздуха свалились?..»

Короче, тогда эта с ее крысенком ушла несолоно хлебавши. Значит, сейчас она землю рыть будет. Я вздохнул. Это ж в каком говне мне теперь бултыхаться...

– Ну так куда ехать? – вновь подал голос Борис.

Я поразмыслил, а затем махнул рукой:

– Все равно домой. Если бывшая Колькина уже в офисе сумела отметиться, значит и в доме у него тоже она хозяйничает.

– Так она же еще в наследство-то не вступила, – удивился Борис.

– И что, – хмыкнул я, – думаешь, это ее остановит?

Мой водитель на пару мгновений задумался и нехотя согласился:

– Это – да. – Но буквально через минуту снова и этак вкрадчиво спросил: – Так это что ж, теперь она со своим крысенышем в компании рулить будет?

А я озадачился. И действительно, как мне теперь выстраивать отношения с совладельцами? О моей к ней антипатии Колькина бывшая осведомлена отлично. И потому сразу же начнет меня из фирмы выживать. Нет, какое-то время я потрепыхаться могу. И даже вообще удержать власть. Представители того фонда, которому отошла доля Колькиного отца, на всех собраниях акционеров вели себя адекватно, так что перетянуть их на свою сторону – вполне реальная задача, но дальше-то что? Эта с отпрыском теперь фактор непреходящий, сиречь постоянный. Как больной зуб – ноет, гниет, запах изо рта от него, как из помойки... Нет, и так люди живут. Когда другого выхода нет. Но у меня-то не такой случай. А если...

И в этот момент, не дав пришедшей в голову мысли окончательно оформиться, зазвонил мой смартфон. Я выудил его из «кобуры», бросил взгляд на экран и скривился. Да уж, помяни черта... Я несколько мгновений изо всех сил боролся с желанием нажать на «отбой», но затем все-таки поднес НТС к уху:

– Да?

Когда через пять минут я уступил уже ставшему непреодолимым желанию и отключил телефон, сразу почувствовал облегчение – и не только потому, что разговор закончился. Звонил крысеныш. Впрочем, шумное дыхание и визгливые советы его мамочки, обретавшейся где-то рядышком с ним, тоже были вполне себе слышны в динамике. Так вот, как только мне с непередаваемым апломбом сообщили, что согласно час назад оглашенному завещанию и в соответствии с требованиями законов Британских Виргинских островов сын усопшего вступил в

права наследования и теперь уведомляет меня, что со следующего понедельника компания его отца более не нуждается в моих услугах, сквозь злость и досаду проступило самое настоящее облегчение. Облегчение от того, что все решилось без меня и что мне не надо терпеть этот гнилой зуб...

Следующие два дня я провел относительно спокойно, подбивая бабки, аккуратно, чтобы комар носа не подточил, составляя отчет о последней командировке и просматривая накопившиеся за время моего отсутствия бумаги на предмет подчистить хвосты. Дабы после моего ухода у этих не осталось бы оснований обвинить меня хоть в чем-то серьезном. Нет, в том, что такое желание у них появится, я даже не сомневался. Но для того чтобы это желание воплотилось в опасных для меня действиях, им придется очень и очень постараться. И сейчас я все делал для того, чтобы любые их старания пропали втуне. Кое-что уничтожал, кое-что копировал. Конечно, ничего такого, что могло бы нанести ущерб фирме, я не делал. Кто его знает, как жизнь повернется? Земля-то, она круглая. Может, через какое-то время все переменится и я вернусь в покидаемое кресло. И вообще, я же – не они, делать гадости из простого стремления кому-то нагадить не привык. Да и запахло как-то было своими руками разрушать то, что мы с Колькой вместе создавали почти двадцать лет. На это и без меня ручки найдутся... Но вот прикрыть задницу на случай, если крысеныш с мамашкой решат мне отомстить и пойдут на прямой подлог, я постарался.

Новые совладельцы меня в это время не беспокоили. Хоть основные активы нашей фирмы зарегистрированы в офшоре и по законам упомянутых островов сынок в права, может, и вступил, основные финансовые операции фирма осуществляет все-таки в России и те же договоры аренды офисов заключены именно здесь и нашими российскими «дочками». А согласно российским законам, вступить в права наследования всего движимого и недвижимого имущества и зарегистрированных в России активов можно только через полгода после смерти правообладателя. Так что мне достаточно было отдать распоряжение Виктору, главе нашей службы безопасности, при появлении поименованных мною лиц гнать их в шею – это обеспечило мне вполне рабочую атмосферу. Виктору удержаться на своем месте при новых хозяевах никак не светило, поскольку он не раз по приказу Кольки выбрасывал эту из офиса, когда она пробиралась внутрь и пыталась с помощью очередного скандала раскрутить бывшего на оплату какого-нибудь очередного счета из бутика или одиннадцатой за год поездки «мальчика с мамой» в Ниццу, потому что «мальчик так устал, так устал и ему надо немного развеяться». В общем, мое распоряжение Виктор выполнил спокойно и даже с удовольствием.

Потом были похороны, на которых его крепкая фигура так же отпугнула «сладкую парочку» от моей тушки; поминки, где я поприисутствовал всего двадцать минут, потому что уже через десять меня стало тошнить от притворных слез «родственницы покойного». А затем мне снова позвонил крысеныш и заявил, что решил купить у меня долю в фирме. Я вежливо поинтересовался, на какие шиши. И получил в ответ пространные рассуждения в духе «честного отъема денег» незабвенного Остапа Бендера. То есть я передаю ему мою долю, а он взамен предоставляет мне некие гарантии, которые гарантируются некими другими гарантиями, в свою очередь предоставляемыми «чрезвычайно надежным иностранным банком» – названия он мне в настоящее время сообщить не может, потому что-де переговоры еще продолжаются и он связан обязательством сохранять коммерческую тайну.

Ну почему идиоты всегда считают остальных людей глупее себя? Это что, первый отличительный признак любого идиота? Нет, зачем ему мои одиннадцать процентов, мне было совершенно понятно. С теми тридцатью девятью, которые отошли крысенышу после смерти отца, он против мужиков из фонда никак не тянул. Единственное, на что он был способен при таком раскладе, – это гадить. Причем мелко. Ибо, насколько я понял насчет учредителей этого фонда, гадить по-крупному они никому не позволят. А вот когда у них с крысенышем будет баш на баш, вот тогда... у него тоже ничего не получится. Точно. Но вбить эту простую мысль в его тупую башку было нереально. Так что я молча выслушал все, что он мне там наболтал, а затем тихо, спокойно и не торопясь разложил крысенышу всю ситуацию. Во-первых, по текущему курсу мои одиннадцать процентов стоят чуть больше девятисот сорока двух миллионов рублей. Во-вторых, я очень сомневаюсь, что он способен эти деньги найти. Ну не дают таких сумм борзым придуркам без какого бы то ни было опыта в бизнесе. Разве что для того, чтобы развести их на бабло и кинуть. Вследствие чего вопрос продажи своей доли именно ему я даже не рассматриваю. В-третьих, если он вдруг вздумает попытаться сыграть на понижение, то я ему в этом никак препятствовать не собираюсь. Потому что я-то как раз способен найти достаточно денег, чтобы выкупить хоть всю его долю. Что в этом случае непременно и сделаю. Таким образом, дальнейший разговор считаю совершенно бессмысленным...

Положил трубку, а потом несколько минут сидел, зло пялясь на телефон и молча страдаю. Вот была налаженная, интересная жизнь. Не сказать чтобы спокойная, но привычная. Еще ведь пять дней назад я был твердо уверен, что у меня все в порядке. Что все нормально. Что ничего экстраординарного никогда не

случится. И что единственное, чем меня можно прижать, – это политико-экономические игры типа рухнувшего курса рубля и тому подобных подлянок наших горячо обожаемых властей. Да и то нищим, как, скажем, мои старики после отпуска цен в 1992-м, я не останусь. И вот на? тебе! А самое-то гнусное – власти тут совершенно ни при чем. Даже президента с премьером обругать не за что...

Эх, Коля, Коля, как же тебя угораздило? Ведь со школы вместе. Вместе поступали в Тбилиси. В военное училище. Вместе четыре года таскали на горбу заряды для Д-30 и банили во время ПХД длиннющий ствол МТ-12. Даже взводы получили по окончании училища в соседних батареях. Вместе и ушли из армии, когда она начала превращаться непонятно во что. Вместе поднимали с нуля бизнес в лихие девяностые. У меня с тех времен дырка в левом плече, а ты полгода с катетером ходил, пока тебе из брюха пулю не извлекли... И что теперь? Все, что мы с тобой создали, теперь псу под хвост пойдет...

В пятницу я закончил последний отчет и положил ключ от кабинета на стол Тиночке. Моя секретарша подняла на меня полные слез глаза и прошептала:

– А вы от нас совсем-совсем уходите?

Тиночка тоже была из «ищущих», но в отличие от большинства таковых, к своим обязанностям относилась вполне добросовестно. А у меня принцип еще с училища: там, где служу или работаю, – ни-ни. Лет сорок-пятьдесят назад еще можно было подобным образом «крепить единство труда и капитала», а в наше время это ой как чревато. Несмотря на то что в массовом сознании имеется твердое убеждение, что все начальники вовсю пользуют своих секретуток... Секретарша – это же как жена. Даже хуже! Ты же все время у нее на глазах. И она про тебя и твой бизнес знает едва ли не больше, чем любой другой сотрудник. Ну ладно, трахнул ты ее, а дальше-то что? А дальше, мил-человек, только долгие и верные отношения. Иначе никак. Потому что если она вдруг тебя взревнует или просто на тебя разозлится, то столько вреда тебе нанести сможет, сколько сам Джеймс Бонд, поручи ему кто работать против тебя, никогда не нанесет. Наносилки не хватит... Так что у нас с Тиночкой были отношения «вооруженного нейтралитета». То есть мне время от времени демонстрировались новые вооружения типа самых модных оттенков помады, крайне эротичных кофточек и очередной супер-мини-юбочки шириной где-то в стандартный солдатский ремень, а я стойко держал оборону...

– Кто знает, – грустно улыбнулся я. – Неисповедимы пути Господни.

На выходные я махнул в Яхрому покататься на горных лыжах – больше для того, чтобы нагрузить мышцы и хотя бы физической усталостью вытеснить из головы невеселые мысли. А сегодня, в понедельник, проснулся, как обычно, без пятнадцати семь...

Итак, надо было придумать, чем занять день. Ну и вообще, как жить дальше. Нет, деньги у меня были. Даже и без продажи моей доли в компании у меня было достаточно средств, чтобы вести жизнь бездельника-рантье. То есть кататься по курортам, покупать одежду модных фирм, содержать машину с водителем – короче, заниматься тем, о чем так мечтают любые «ищущие» дамы. Но я-то ведь не они. Я – профессионал. Причем такого уровня, каких на планете всего-то десятков пять-шесть отыщется. А в стране – и вообще двое-трое. И пусть я профессионал в очень узкой области, зато в ней я – корифей. Разбуди меня посреди ночи и задай вопрос по деятельности любой крупной или средней горно-рудной компании или даже мелкого рудника, производящего какой-нибудь уникальный продукт, на территории от Тасмании до мыса Нордкап – я отвечу. И выложу подробности, начиная с уровня рентабельности конкретного рудника и кончая подтвержденными рудными запасами и перспективами развития. И что мне теперь со всем этим делать? Рабочих мест под профессионалов такого класса в отрасли тоже два-три, и все они заняты как раз этими двумя-тремя, которые ничем меня не хуже. Уехать за границу? Так и там меня никто не ждет. Да и неохота на дядю Сэма или на лаймов пахать. Нет у меня в их отношении никакого пиетета, только настороженность. Колькин отец как-то нам очень понятно всю мировую политику разложил. Кто, где, зачем и в чем виноват. И про обе мировые войны, и про движения капиталов, и про то, как лаймы придумали систему международных конференций, чтобы обесценивать любые победы и сохранять необходимые им очаги международной напряженности. Как раз после Наполеоновских войн все и началось. До того воевали честно, и победы были победами, а поражения – поражениями. А вот с 1815 года лаймы начали использовать новую тактику, влезая в любую заварушку, причем в самом конце, когда обе стороны обескровлены, и переиначивая уже заключенные договоры к собственной выгоде – как, например, это произошло после последней русско-турецкой войны. И в Первую мировую они попытались действовать таким же образом. Так, еще 1 августа, когда Германия объявила войну России и немецкая армия уже вошла в Люксембург, англичане заявили, что, если немцы ограничатся наступлением на востоке, то есть в России, а на западе, в Бельгии, займут лишь ближайший к Люксембургу «угол» этой страны, а не побережье, Великобритания останется

нейтральной. Короче, много он нам тогда понарасказывал. И не только тогда. В итоге то, что мы с Колькой знали еще с младых лет, с училища или даже чуть раньше, но как-то так, на уровне ощущений, неосмысленно, после бесед с Сергеем Никаноровичем становилось ясным и четким убеждением.

Поэтому обойдутся англосаксы без меня. Враги они, и этим все сказано. Но вот чем мне все-таки заняться, я себе не представлял и потому чувствовал себя кем-то типа музыканта-виртуоза, способного раскрыть весь свой потенциал с помощью уникальной скрипки, сотворенной руками гения вроде Страдивари или Гварнери, но в настоящий момент лишенного доступа к великолепному инструменту. И тут мой смартфон, который я бездумно гонял по столу в кафетерии, внезапно зазвонил...

К рейсу на Пулково я успел, даже не потревожив Бориса. Оказывается, у девочек на стойке имелось несколько визиток приличных московских такси, одно из которых они мне и вызвали, заслужив сим мои щедрые чаевые. Так что до аэропорта я доехал, хотя и без привычного комфорта, но достаточно быстро... Ну да не баре, чай, прирожденные, когда-то и в кузове сто тридцать первого «ЗИЛа» поехать пришлось, и на плащ-палатке, постеленной на нарубленный лапник, всем отделением ночевать. Тем более что этот внезапный звонок дал мне надежду на то, что я... получу-таки доступ к уникальному инструменту, с помощью которого мне удастся раскрыть весь накопленный мною за столько лет потенциал.

В Пулково меня уже ждала машина – из того самого фонда, который владел половиной моей бывшей компании. Потому что слова, которые заставили меня сорваться с места и рвануть в аэропорт, были произнесены исполнительным директором фонда:

– Алексей Андреевич, я узнал, что после столь опечалившего нас всех события вы покинули пост старшего управляющего вашей прежней компании и сейчас не связаны никакими обязательствами.

– Да, это так, – осторожно сказал я. Управляющего я узнал по голосу; впрочем, он сразу же представился.

– А вы не могли бы подъехать к нам, в Питер, на предмет разговора о возможном сотрудничестве?

Я задумался.

– Извините, но я не понимаю, чем мог бы вас заинтересовать. Мои знания и навыки лежат в довольно специфической сфере, а вы – организация достаточно многопрофильная, и насколько мне известно, в той области, в которой я мог бы оказаться вам полезным, у вас имеется только один бизнес. А именно – та самая компания, в которой я еще недавно работал.

Исполнительный директор хмыкнул:

– Какой вы информированный. Вот об этом мы и хотели с вами поговорить. А чтобы усилить ваш интерес, сообщаю, что нас совершенно не устраивает новое руководство вашей бывшей компании, поэтому мы рассматриваем вопрос раздела активов и организации на базе тех, что отойдут нам, новой компании сходного профиля. Об этом мы и собираемся поговорить с вами по всему интересующему как нас, так и вас кругу вопросов.

Следующую неделю я провел в Питере. Я и ранее знал, что фонд контролируют довольно серьезные люди, но насколько они серьезны, понял только сейчас. Или я чего-то не догоняю, или пресловутые «деньги партии» все-таки никуда из страны не ушли и распоряжаются ими по-прежнему очень умелые люди... Нет, никаких преференций мне не предложили. Более того, те мои одиннадцать процентов в старой фирме, которые я согласился вложить в новую компанию, делали меня в ней совсем уж миноритарным акционером. Зато перспективы! Вы не представляете, насколько круто все затевалось...

Сами переговоры прошли относительно быстро. А затем я на неделю засел в выделенной мне в здании фонда комнатке с биржевым терминалом и безлимитной телефонной линией, готовя разделение активов. Крысеныш позвонил мне трижды. Первые два раза неуклюже пытался все-таки раскрутить меня на продажу моей доли, а на третий поднял визг по поводу того, что я подлый рейдер и отбираю у него кровный бизнес. Значит, и до него слухи уже добрались. Еще дважды звонила бывшая Колькина благоверная и грозила неизвестно какими связями и очень важными покровителями. Ох и уроды...

К выходным анализ ситуации с активами был закончен, и с понедельника должен был начаться процесс «развода». Основные переговоры планировалось провести здесь, в фонде, так что я по-любому должен был в понедельник снова

быть в Питере. И я решил никуда не уезжать (тем более что в Москве меня никто не ждал), а избыток адреналина сбросить конной прогулкой. Лошадьми я увлекался уже лет восемь, даже держал пару в платной конюшне в Битце, но года три назад, когда мы с Николаем основательно вышли на международный уровень, вынужден был их продать. Лошадь ведь не машина, а живое существо, ей мало обеспечить теплую конюшню и сбалансированное питание – ей нужны регулярная выездка, чистка и время от времени сахарок или морковка на твоей собственной ладони. А если ты этого обеспечить не можешь, так нечего мучить благородное животное. Ну а я в то время не вылезал из командировок.

Где располагается ближайшая от отеля конюшня, я уточнил на ресепшене. Впрочем, вполне возможно, это была не ближайшая, а просто единственная известная мальчику за стойкой или самая крутая, которую он полагал приличествующей столь важному постояльцу – я же обосновался в двухкомнатном сюте... Короче, причины того, почему я приехал именно на эту конюшню, могли быть разные, но поскольку она меня не разочаровала, мне на них было наплевать.

Конюшня располагалась на территории дворцовой усадьбы. Прокатные кони здесь были вполне приемлемыми. Я выбрал каурого жеребца-четырёхлетку по кличке Прыгун. Погрев его короткой рысью, свернул в дворцовый парк и, проехав минут десять неспешным шагом, дал шенкеля, пробуя галоп. Прыгун легко набрал темп. Я радостно вздохнул, вспоминая своего Репетира. Тот, конечно, был заметно лучших кровей, но после долгого перерыва мне хватало и Прыгуна. И вообще настроение было – зашибись! Так что даже захотелось слегка пошалить. Прикинув толщину снежного покрова, я свернул с парковой дорожки и пустил коня галопом прямо по белой целине. Несмотря на прокатную судьбу, Прыгун оказался прилично обучен – мне удалось пару раз послать его через шпалеры кустов, которые он преодолел вполне достойно.

Меня переполнял восторг. Еще работая в нашей с Николаем фирме, я столько раз локти кусал, видя, как утекают мимо меня уникальные шансы. Эх, если бы мне были доступны необходимые финансовые средства... да что там – я бы согласился и на то, чтобы те сделки, возможности которых я вычислил в своей голове, реализовал кто-нибудь другой, уж больно интересный получался результат. Но наша компания никогда не относилась к гигантам рынка, так что приходилось лишь вздыхать, рассматривая очередную биржевую сводку. Да если честно, не только в начале, но и году на десятом-одиннадцатом деятельности нам частенько приходилось изворачиваться, чтобы обеспечить

финансирование наиболее перспективных сделок даже на нашем уровне. При жизни Колькиного отца с этим было полегче, иногда Сергею Никаноровичу достаточно было сделать один звонок – и наши проблемы мгновенно находили как минимум приемлемое решение. Но и потом, после того как он нас оставил, мы научились выкручиваться, поскольку успели наработать кое-какой авторитет. Однако с теми финансовыми потоками, доступ к которым мне пообещали предоставить в фонде, я... мы... мы заткнем в задницу даже австралий... кхм, это я замахнулся. Австралийцев в ближайшие лет десять никто точно никуда не заткнет, но вот с компаниями из Латинской Америки или южноафриканцами мы вполне сможем пободаться. А уж в Европе... Я на секунду довольно зажмурился. Всё, ребятки, кончилось ваше время. Нет, единолично диктовать цены рынку мы, конечно, не сумеем, но вот войти в пул тех, кто этим занимается, – запросто. Что ж, я не стал генералом и не покомандовал тысячами оружейных стволов, как мечталось когда-то в юности, но, убей бог, этот мир вскоре услышит залпы новых русских «орудий»! И я буду не я, если ему не придется вновь начать считаться с этой нашей артиллерией!

Впереди замаячила новая шпалера кустов, и я бросил Прыгуна в галоп. Посыл – и сразу же за кустами возникла черная блестящая крыша навороченного джипа марки «Крайслер». У меня еще промелькнула мысль, что, мол, точь-в-точь как у крысеныша. Тот очень уважал Америку во всех ее проявлениях... Блин! И какой идиот въехал сюда на машине? Здесь же прогулочные дорожки! Я выматерился, пытаюсь шенкелями и уздой хоть как-то развернуть Прыгуна прямо в полете, но все было тщетно – он летел прямо на крышу. Удар копытами. Прыгун оттолкнулся. Ну!!!

Чуда не случилось. Конь зацепился за обрез крыши задними бабками, ударился, заржал, но... перевалил-таки через джип. И даже умудрился приземлиться на все четыре ноги, хотя, судя по мучительному ржанию, это приземление обошлось ему дорого. Я натянул поводья, останавливая захромавшего скакуна и собираясь спешиться, дабы посмотреть, что с ним случилось, ну и заехать по одной наглой морде, как вдруг водительская дверца джипа распахнулась, и оттуда вынырнула упитанная харя крысеныша. Он был одновременно испуган и зол.

Я ощерился. Вот это встреча! Ой как вовремя! Ну он сейчас у меня...

Но я ошибся. Ведь знал же, как опасно недооценивать идиотов! А крысеныш оказался куда бо?льшим идиотом, чем я думал. Похоже, в его мозгах,

вскипевших от того, что его, вот такого умного, хитрого, уникального и элитного, кто-то посмел послать далеко и надолго, не могло родиться никаких идей, кроме тех, на которых построены сюжеты низкопробных американских криминальных боевиков и их жалкого отечественного подобия типа всяких там «Воров в законе». Едва парень узнал меня, его жирная харя исказилась в убогой голливудской гримасе, и он потянул из-за пояса дебильный блестящий пистолет размером с туристический топорик – совсем как у тех самых негров из уже упомянутых американских криминальных боевиков... Только такому полному идиоту могло прийти в голову расправиться со мной лично, да еще из такого приметного оружия и – до кучи – приехав на место акции на собственном автомобиле. Он вытянул руку с пистолетом в мою сторону и, содрогнувшись всем телом, стиснул рукоятку. Раз, другой. То есть он, похоже, пытался нажать на спусковой крючок, но со стороны это выглядело именно так, как я сказал... А затем, видимо вспомнив, что не снял оружие с предохранителя, он согнул руку и заковырялся пальцами в районе затвора. Я скрипнул зубами и, развернув коня, послал его в галоп прямо на крысеныша. Ну, попытался, потому что Прыгун жалобно заржал и сделал неуклюжий скачок на трех ногах.

Я уже вырвал ступню из стремени, собираясь спрыгнуть с седла и заехать сапогом в жирную лоснящуюся рожу, когда крысеныш справился наконец-то со своей пушкой и, снова вытянув руку в мою сторону, дернул за спусковой крючок. Грохнул выстрел, другой, потом еще три подряд.

Представьте себе, этот дебил за пять выстрелов с трех шагов не попал в меня ни разу. Впрочем, если стрелять с закрытыми глазами, такой результат скорее стандартен. Тем более что мне это все равно не сильно помогло. Потому что он все-таки попал в Прыгуна. Тот отчаянно заржал и взбрыкнул. Последнее, что я запомнил в этом мире, – носки моих ездовых сапог, взмывающие в серое питерское небо...

Часть первая

Петербургское небо

Глава 1

Бред был качественный. Нет, не особенно четкий – перед глазами все расплывалось, но и того, что можно было различить, оказалось достаточно, чтобы признать это бредом. Ну а чем же еще, если я видел, как надо мной склонился человек в странной одежде, похожей на военный мундир с эполетами, и приблизил ко мне лицо, украшенное роскошными бакенбардами?..

Качественность же бреда воплощалась в том, что у меня всё болело. То есть вообще всё – кости, глаза, желудок, селезенка, печень. Кожа горела, будто я перележал на солнце где-нибудь на Сардинии, причем прилетев туда прямо из какой-нибудь Кандалакши. Но о том, что меня вышибло из седла, я помнил. И что подобное падение уж точно не могло остаться без последствий, понимал. А уж если принять во внимание, что поблизости околачивался придурок с пистолетом, то отсутствие ощущений от пребывания внутри организма инородного тела калибром как минимум девять, а то и все одиннадцать с лишним миллиметров объяснялось лишь тем, что я еще не до конца разобрался в своих болевых ощущениях. Ну не настолько же он урод, чтобы не попасть в неподвижное тело? А даже у понтового кольца сорок пятого калибра, каковым, судя по размерам, вполне мог оказаться пистолет в руках крысеныша, емкость магазина – семь патронов. Так что еще пара выстрелов у него была... Но вот такого, чтобы болел абсолютно весь организм, быть не могло. А у меня организм болел абсолютно весь. Я по своим болевым ощущениям мог собственную анатомию изучать – где какая мышца или связка расположена.

– ...императорское высочество, вы меня слышите?

О как! Я в этом бреду еще и высочество!

Я попытался пошевелить губами, но у меня не получилось. Только лицевые мышцы свело очередным болевым приступом. Пришлось замереть – ну его на хрен, этот бред. Очнусь – разберусь. Если очнусь, конечно...

– ...ское высочество, вы можете пошевелить рукой?

Я молча лежал. А что, с галлюцинацией разговаривать, что ли?

– ...оргнуть?

Вот ведь привязался! Не могу. Ничем. Всё, развеивайся поскорее. Достал!

И в этот момент меня кто-то ухватил за шиворот, отчего мое тело пронзило такой дикой болью, что, если б мог, я заорал бы так, что все глюки мгновенно исчезли бы, как не бывало. Ну не выдержали бы они тот вопль, который рвался из моей глотки!

Когда я немного очухался, выяснилось, что меня держат не только за шиворот, но еще и за рукава, поясной ремень и брючины. И таким макаром куда-то волокут. Боль, накатив волной, едва не выбившей меня из сознания, немного схлынула, но не вернула меня в реальность, а, наоборот, придала больше резкости глюку. Так что, когда меня наконец уложили в допотопный тарантас, я очень убедительно ощутил сквозь боль толстую кожу, которой были обиты сиденья, а в ноздри мне ударил запах лошадиного пота и разогретой кожи. Тут что, какая-то тусовка этих, как их, реконструкторов? Так они вроде все больше в рыцарские доспехи рядятся или там в мундиры времен Наполеоновских войн. Впрочем, кто его знает, может, привидевшийся мне мундир с эполетами как раз и относится к наполеоновским временам, хотя я бы на это не забился. Он выглядел несколько более... современным, что ли. Если, конечно, так можно сказать о мундире с эполетами. Какой-то он был скромный, безо всяких там красочных отворотов, богатого шитья и типичных для той эпохи (естественно, по моему дилетантскому мнению) белых лосин.

– ...оврежден позвоночник! – донесся до меня чей-то обеспокоенный голос. А следом за ним прорезались и другие:

– За доктором послали?

– Уже поскакал казак.

«Вот идиоты, – отстраненно подумал я, будто не имел отношения к данному обсуждению, – если есть подозрение на повреждение позвоночника, человека ни в коем случае нельзя трогать. А уж если надо, то перемещать его следует, уложив на твердую ровную поверхность. На толстую доску, к примеру, или что-то подобное. Это же основы первой медицинской помощи. Аптечки в машинах возим, а что делать в случае травмы – никто не знает...»

В этот момент рядом с моей головой опустилось чье-то грузное тело, судя по тому, как заскрипели подушки тарантаса, и властный голос приказал:

– Трогай!

И мы тронулись...

К тому времени, как тарантас добрался до дворца (ну а где еще могут жить императорские высочества-то?), я уже начал сомневаться, что вокруг меня глюк. Потому что трясло в тарантасе нещадно, вследствие чего боль накатывала снова и снова. Но похоже, с позвоночником у меня все было в порядке – кожа подуспокоилась, я начал ощущать ею одежду, так вот штаны у меня были сухими, что явственно свидетельствовало: если даже с позвоночником и есть какие-то проблемы, они не фатальны. Ну, как минимум пока.

Когда тарантас, въехав на эстакаду, остановился напротив широких двустворчатых дверей, вокруг меня снова началась бестолковая суета. Кто-то куда-то побежал, кто-то заохал, двери с грохотом распахнулись, из-за них слышался чей-то обеспокоенный голос, а затем женский крик, но не то чтобы испуганный, скорее дежурный – мол, что-то случилось, из-за чего требуется покричать, вот и закричала. Затем на тарантас забрались дюжие мужики, ряженные в странную одежду, тоже чем-то напоминающую мундиры, но совсем уж непонятные – не советские, не довоенные и даже не дореволюционные, а какие-то «времен Очакова и покоренья Крыма», как писал Грибоедов, зато коррелирующие с тем, первым, который был на человеке в бакенбардах. То есть эти тоже были с эполетами.

Меня довольно бесцеремонно сдернули с подушек, а уже знакомый голос прогромыхал:

– Да осторожнее вы, бестолочи косорукие, не трясите так...

После чего меня уволокли во дворец. Несмотря на не утихавшую боль во всем теле и почти полный паралич, я изо всех сил пытался косить глазами и разглядывать интерьеры. Они не представляли собой ничего особенного, бывали мы и в более роскошных, а по времени я бы отнес их веку к XVIII–XIX. Однако я не специалист.

Меня проволокли по анфиладе комнат и уложили на диван в одном из небольших залов или, возможно, в большой комнате, бог их разберет. И все тот же мужик с бакенбардами и в мундире с эполетами, руководивший моей энергичной транспортировкой, заорал:

- Ну где этот чертов доктор-то?!

Тут в распахнутые двери зала-комнаты влетел крупный грузный мужчина с роскошными усами и в... монокле. Впрочем, после всего, что я увидел с тех пор, как очнулся, лежа на земле, монокль меня как-то не очень удивил. В руках мужчина держал саквояж и летний дорожный плащ из брезента. Я скопил глаза на остальных присутствовавших. Судя по их реакции, мужик был врачом. И это было хорошо. Потому что лежать бревном мне было совсем не гут. Ну, или не айс, как говорилось в одной дебильной рекламе. Хотя это уже тавтология. Потому как недебильной рекламы в природе не существует. Ну, такой вот у природы закон. Один из...

Доктор повесил плащ на спинку кресла и стянул с плеч пиджак, оставшись в несколько резавшей взгляд жилетке; из ее кармашка торчала заводная головка массивных часов, которые обозначали свое присутствие еще и довольно толстой золотой цепочкой, тянувшейся через брюхо. Он закатал рукава сорочки, обнажив крупные кисти, покрытые жестким черным волосом, и, воздев руки, повернулся в мою сторону. Именно в этот момент в комнату вбежала женщина с тазиком в одной руке, кувшином в другой и с полотенцем, перекинутым через плечо. Причем поворот врача и появление женщины совершились так синхронно, что у меня даже мелькнула мысль, уж не стояла ли женщина за дверями, дожидаясь, пока доктор приготовится к омовению... Согласен, мысль была глупой. Тут не балет, чай...

Руки доктор мыл долго. Впрочем, к боли я как-то притерпелся, да и паралич вроде бы тоже начал проходить. Скажем, глазами я уже мог вращать, хотя и в довольно узких пределах. Так что мне довольно легко удалось умерить свое нетерпение и спокойно приготовиться к медицинскому осмотру.

Осмотр меня озадачил. Нет, я уже понял, что вокруг меня не галлюцинация, а реальность, но продолжал считать, что попал либо к двинутым на своем увлечении реконструкторам, либо... ну, не знаю - может, на съемочную площадку. Хотя на съемочной площадке большинство людей все-таки носят обычную одежду - режиссер, оператор, ассистенты, помощники... Оставалась

надежда, что прыгающие вокруг меня щеголи составляют массовку. Но вот что врач, вызванный к явно имеющему проблемы со здоровьем человеку, будет проводить осмотр и диагностику столь архаичными методами, я предположить не мог. Измерение пульса с использованием жилетных часов, прослушивание легких костяной трубочкой, термометр, вставляемый в рот... Да что здесь, в конце концов, творится?! У них тут что, историко-культурный заповедник? Так у меня нет времени играть во все эти игры, мне необходимо в понедельник быть в полной форме! У меня серьезные переговоры! Да и крысенышу надо так прижать... нет, не хвост, а задние лапки вместе с задницей, чтобы он больше у меня под ногами не путался. Слава богу, что, судя по доступным мне ощущениям, он в меня все-таки не попал. Во всяком случае, никаких инородных предметов внутри собственного организма я по-прежнему не чувствовал.

– Лешка, чертов сын, как это тебя угораздило?!

От громкого голоса, прозвучавшего из коридора, все в комнате встрепенулись. Я скосил глаза на вход. Это кого еще там черти принесли? Человек меня явно знал, поскольку обратился по имени, но голос я вроде бы слышал впервые...

Вошедший действительно был мне незнаком и очень колоритен. Рослый, широкоплечий, с изрядным брюшком, которое, однако, его совершенно не портило, и роскошной окладистой бородой. Этаким могучий русский мужик. И одет он был в духе всей тусовки, но попроще – в рубаху-косоворотку с закатанными рукавами.

– Ну, чего молчишь? – грозно сказал бородач, подходя ближе.

Судя по реакции окружающих, он явно был тут весьма значимой персоной – может, даже главной, потому что на всех лицах тотчас нарисовалась готовность в любой миг склониться перед ним или куда-нибудь потихоньку слинять.

– Что с ним, доктор? – требовательно спросил мужик у стоявшего рядом со мной врача, так и не дождавшись от меня ответа.

– Ваше императорское величество... – велеречиво начал тот с ощутимым акцентом.

А я, если б мог, озадаченно нахмурился бы. Недавно меня, вроде как совершенно постороннего для этой тусовки человека, обозвали императорским высочеством, и вот уже другого человека, с одной стороны, мне совершенно незнакомого, а с другой – явно меня знающего и обратившегося ко мне на «ты», титулуют тоже императорским, но величеством. Кто главнее – величество или высочество, я не представлял, да и не этот вопрос был главным. Меня куда более волновало другое. Я точно знал про себя, что ни я сам, ни кто-либо из моих предков в родстве с какими бы то ни было царственными особами не состояли. И дворяне-то у меня в роду были всего лишь по одной линии, причем по женской. Так что либо здесь кто-то очень сильно ошибается, либо я... это не я?!

– Значит, доктор, вам ни хрена не понятно, что случилось с моим братом, – прогудел мужик в косоворотке, подведя краткий итог всему сказанному врачом. – Эхма, вот всегда вы, немцы, так. Дипломы красивые имеете, слова всякие мудреные говорите, а как до дела доходит, ни черта не можете. Ладно, я брату другого врача пришлю, Боткина. Он, чай, в наших русских животах получше вашего разбирается. – Мужик закончил речь энергичным взмахом руки, наклонился надо мной и потрепал по щеке. – Ладно, братец, не беспокойся, доктор Боткин не какой-то там немец, он тебя быстро на ноги поставит. – После чего повернулся и вышел из комнаты.

Врач проводил его взглядом и только после того, как широкая спина исчезла в дверном проеме, позволил себе натянуть на физиономию оскорбленно-высокомерное выражение, с коим и покинул комнату, так ничего и не сказав. Впрочем, даже если бы он разразился длинной и цветистой речью, я бы его вряд ли услышал, потому что в этот момент думал над важной проблемой... Братьев у меня не было. Точно. Сестра – да, была, но она уже лет двадцать как жила в Канаде и регулярно жаловалась мне, что дети ее не понимают, совсем забыли русский язык... ну и так далее. Так что, когда меня спустя некоторое время снова подхватили и поволокли по лестнице наверх, я продолжал напряженно размышлять. Мне как можно быстрее требовалось понять, что же вокруг происходит. Именно понять, а не выстроить некую успокаивающую правдоподобную версию, как делают многие. Ибо, пока ты не понял, что-либо планировать бессмысленно и всякие заклинания типа «А ну-ка прекратите этот балаган, а то я...» или «Немедленно перестаньте, мне в понедельник позарез надо быть в Питере, потому что...» будут всего лишь сотрясением воздуха. Ой, сколько глупостей было совершено и сколько реальных шансов упущено просто оттого, что кто-то твердо знал, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!!!».

Наконец мое путешествие вверх по широким дворцовым лестницам завершилось в просторной комнате, более подходящей под определение спальни. Меня внесли, развернули и уложили на широкую, даже не двух-, а скорее трехспальную кровать, правда без балдахина, которого можно было бы ожидать, исходя из обстановки. И оставили в полном недоумении.

Пока меня укладывали, я успел бросить взгляд на одно из больших зеркал, располагавшихся в этой комнате. Так вот, отразившаяся в нем физиономия была явно не моей. В зеркале я оказался ниже себя, родимого, заметно плотнее, обладал не менее роскошной бородой, чем большинство окружавших меня мужчин, и... действительно был чем-то похож на того мужика, которого доктор-немец обозвал императорским величеством. Что изрядно поколебало мое желание принять ситуацию такой, какой она являлась на самом деле. Нет, рассуждать теоретически я был готов, но увидеть в зеркале вместо своей привычной морды совершенно незнакомую физиономию... Меня тут же прошиб пот. Это ли стало последней каплей, или все, что случилось со мной, с тех пор как я очнулся после падения с лошади (а было ли оно?), усугубленное напряжением и приступом паники, оказалось слишком тяжелой нагрузкой как для моей психики, так и для этого чем-то ослабленного организма, в котором пребывало мое сознание (может, как раз наличием моего, то есть чуждого ему сознания организм и был ослаблен?), но на меня накатил такой приступ вялости, что глаза начали закатываться. И едва мне подоткнули под бок одеяло, я почувствовал, что проваливаюсь в забытие...

Очнулся я внезапно. Причем сразу же почувствовал чье-то присутствие. Я некоторое время лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к ощущениям и вспоминая все, что со мной произошло, затем чуть приподнял веки – так, чтобы можно было смотреть сквозь ресницы. Рядом с моей кроватью сидела женщина с некрасивым, но добрым лицом, не очень молодая, лет тридцать пять – сорок, но явно моложе моего прежнего тела. Там мне уже перевалило за полтинник. А вот интересно, сколько лет мне здесь? Тридцать? Тридцать пять? Фу-ты черт, какие глупости в голову лезут. Мне же орать надо и кататься в истерике. Меня же занесло неизвестно куда и неизвестно как, а я тут прикидываю, насколько помолодел вследствие этого переноса! Впрочем, нет, истерики от меня тут хрен дождутся. Я вместо истерики обычно жутко злюсь, вследствие чего те, кто довел меня до такого состояния, быстро начинают об этом сильно жалеть. И трушу я приблизительно так же – злостью. Вот такая неадекватная реакция у моего организма. Ну, у бывшего. А у нынешнего интересно какая?..

Похоже, за всеми этими размышлениями я как-то отвлекся и перестал контролировать веки (вау, я их, оказывается, уже могу контролировать!), потому что сидевшая рядом с моей кроватью женщина всплеснула руками и вскрикнула:

– Очнулси! Ну слава те, осподи! Ваш сочсво, как вы себя чуйствуете-то? Болит где? – Она замерла, ожидая ответа. Но губы мне пока что не повиновались, так что ее ожидание осталось неознагражденным. – Ой, доктор же велели, как вы очнетесь, сразу ему сказать. – Женщина снова всплеснула руками и вскочила со стула. – Так я побегу скорее! А вам чего принести? Ну, там, попить или покушать? Вы ежели говорить не можете, так просто глазами моргните. Попить-то принести?

Я моргнул.

– От и ладно. Я счас! – И она выскочила из спальни.

А я принялся исследовать, насколько расширились мои возможности по контролю над этим чужим телом. Довольно быстро выяснилось, что возможности практически не расширились. Я мог вращать глазами, мог моргать, но ни руки, ни ноги мне не подчинялись. Боль также не прошла. Я был бревном, способным блымать глазами. Причем у этого бревна по-прежнему болели все внутренности. Ну и до кучи, никаких новых знаний и умений не появилось. Я прекрасно помнил, что я Алексей Андреевич Коржин, временно безработный, последнюю неделю проторчал в Питере, готовя соглашение о разделе активов моей бывшей фирмы, которую мы когда-то создали с ныне покойным другом Колькой и его отцом. Я помнил все, что было положено помнить Алексею Коржину, и... ни грана сверх того. Ни кто такой бывший владелец этого тела, ни где я сейчас нахожусь. То есть никаких новых языков, чужой памяти и всего такого прочего мне не перепало. Возможно, пока... Слава богу, здесь хоть говорят на русском...

Закончить мысль я не успел, потому что дверь спальни распахнулась и ворвался очередной участник разворачивающейся драмы со мной в роли главного героя.

– Добрый день, Алексей Александрович, ваш брат повелел мне осмотреть вас.

Опа! Значит, теперь меня зовут Алексей Александрович. Впрочем, этот... брат меня уже называл Лешкой... Ну слава богу, хоть к новому имени не придется привыкать. А отчество... что ж, потерпим. Тем более что непонятно, сколько

придется терпеть. Паралич-то хоть и сдает позиции, но как-то медленно, пока только и смог начать бльмать глазами. А боль... очень возможно, что это реакция организма на столь грубое над ним насилие в виде переноса сознания и организм долго этого терпеть не будет. Глядишь, так и помру...

Пока все эти мысли проносились у меня в голове, русский доктор активно теребил меня, то снова щупая пульс и втыкая в рот уже виденный мною градусник (или его двойник, не думаю, что на всех врачей, пользующих членов императорской фамилии, имеется всего один градусник), то оттягивая веко, то раскрывая рот и чего-то там высматривая. А потом выудил откуда-то довольно солидную иголку и вонзил мне в бедро. Больно. Но не очень. На фоне той боли, что уже у меня была, как-то не впечатлило. Да и отреагировать на это, даже если бы и впечатлило, при охватившем меня параличе было бы затруднительно... Наконец он распрямился и уставился на меня озадаченным взглядом:

– Странно, ваше императорское высочество, очень странно. Ваше падение с лошади никак не могло привести к тому, что я наблюдаю. Вашу полную неподвижность можно было бы объяснить травмой позвоночника, но я не диагностирую травмы. И дышите вы хорошо, ровно, и повышения температуры у вас нет. – Врач покачал головой. – Очень странные симптомы, очень. Пожалуй, я выпишу вам укрепляющую настойку, и будем уповать на милость Господню. Я так понял, ве?ками вы владеете?

Я тут же зажмурился, зафиксировав, что и мой реципиент, оказывается, тоже упал с лошади.

– Хорошо. Сиделка будет все время рядом с вами, и ежели что в вашем состоянии изменится, меня немедленно пригласят. А пока решим, что я осмотрю вас завтра с утра. Вы не возражаете?

Я снова смежил веки.

– Вот и отлично. Засим позвольте откланяться...

Оставшееся время до вечера прошло для меня однообразно. Я молча лежал, страдая от боли и гоняя в мозгу ту информацию, которая была мне доступна. От визуальной до фактологической. И в итоге принял как рабочую гипотезу

предположение о том, что меня как-то перенесло в тело некоего члена императорской фамилии, правящей в стране, где вроде как говорят по-русски. И судя по некоторым косвенным признакам – дизайн и материалы мебели, одежды, посуды, применяемые врачами методы диагностики и т. п., – эта страна находится на уровне, приблизительно соответствующем по моим дилетантским представлениям дореволюционной России. Насколько дореволюционной – еще предстояло уточнить. Во времена Первой мировой вроде как эполеты уже не носили. С тем я уснул.

Утро началось бурно. На этот раз обмануть сиделку не удалось. Впрочем, я и не старался. Так что мое утро началось с того, что со мной поздоровались, после чего довольно ловко подсунули утку и парой, как мне показалось, привычных движений простимулировали мой организм ею воспользоваться. До сих пор у меня такого опыта не было, поэтому чувствовал я себя несколько... смущенно, что ли. Но поскольку за ночь никаких изменений в моем состоянии не произошло, выразить это смущение мне было нечем. Даже если бы я этого захотел. Затем меня напоили парой ложек довольно горькой настойки и попытались покормить. С последним вышло не очень – организм пищу почти не принимал. Меня отмыли от результатов усилий по кормлению и наконец-то пригласили врача. Тот снова меня осмотрел, опять озадаченно покачал головой и прописал покой. Долгий.

Однако в покое меня не оставили – часа через полтора после лекаря приперся братец. Похоже, он все-таки главнее, чем я, потому что, едва он появляется, все принимают позицию низкого старта, несмотря на мое присутствие. Так что величество все-таки круче высочества, и императорский трон мне не светит. Обыдна, понимаешь!

А потом появилась она. И ее появление было обставлено довольно эффектно. Сначала замерла сиделка... Как выяснилось уже вчера к вечеру, сиделка оказалась болтушкой. Сначала она помалкивала, только поглядывала на меня эдак испытующе, потом начала что-то бормотать, вроде как по делу, рассказывая, куда ездил доктор, и с кем советовался, и какие анализы повелел брать, а когда с моей стороны не последовало никакой негативной реакции, ее понесло. Ну есть такие люди, которым молчать – как нож острый. Так вот она была из таких. Нет, первое время тетка пыталась хотя бы демонстрировать приличия, то и дело спохватываясь и с раскаяньем в голосе заявляя: «Ой, что это я совсем вас заболтала!» – но я успокаивающе моргал, и она тут же продолжала.

А я лежал и впитывал информацию – от цен на рынке, которые окрестные крестьяне задрали совсем уж бессовестно, «и когда это было, чтоб яйца по шашнадцать копеек за десяток шли?!», до того, что я, оказывается, морской офицер. Чин она, правда, не назвала, ну да еще не вечер. Мне сейчас любые сведения важны – в первую очередь обо мне самом...

Так вот, перед тем как появилась она, сиделка внезапно замолчала, прислушиваясь, а затем ее лицо посуровело, губы поджались – короче, вся мимика этой простой женщины продемонстрировала, что сейчас должен появиться некто, кого она очень сильно не одобряет, но воспрепятствовать ему не может. Я скосил глаза в сторону двери. И мои ожидания тут же оправдались. Дверь тихо распахнулась, и в проеме возникла тонкая женская фигура в длинном, до пола, платье, легком жакете, шляпке с вуалью и с кружевным зонтиком в руках. Она на несколько мгновений замерла, давая окружающим полюбоваться ее точеной фигуркой и осиной талией, а затем стремительно проскользнула в спальню, грациозно опустилась на мгновенно освобожденный сиделкой стул, отставила зонтик и, обеими руками, затянутыми в серые перчатки, подняв вуаль, устремила на меня взгляд прекрасных глаз, в настоящий момент наполненных слезами.

– Ах, Алексис, я примчалась, как только узнала! – с надрывом произнесла она и, протянув свои тонкие ручки, ухватила мою безвольно валявшуюся на одеяле ладонь. – Как вы, мой милый друг?

Я продолжал молча смотреть на нее, не зная, как реагировать. Кто это – жена, любовница, сестра? И какие у нас с ней отношения? Вот черт, ничего же не понятно... Да уж, поневоле стоит порадоваться, что парализован. А если бы нет? Мгновенно бы спалился!

– Я сделала вам больно! – с мукой сопереживания в голосе произнесла посетительница, отпуская мою руку. – Простите! Не могла удержаться, я так за вас переживаю!

Похоже, все-таки сестра, причем не родная – какая-нибудь кузина. Подруга детства, так сказать. Для жены или любовницы она вроде холодновата и как-то неестественна... Но следующая же фраза вдребезги разбила мои логические построения.

– Ах, как я жалею, что не осталась с вами на ночь! – горестно заломив руки, воскликнула дама. – О-о-о, если бы не этот мой приступ добропорядочности, заставивший меня в тот вечер вернуться к мужу, вы бы в то злополучное утро не поехали на эту злосчастную конную прогулку!

Кхм... интересно. Значит, она – моя любовница. Причем замужняя. И хрен поймешь, хорошо это или плохо. Во всяком случае, уже понятно, что от нее так или иначе следует избавиться, когда (и если) слегка очухаюсь. У столь приближенного «к телу» человека всегда имеются десятки интимных признаков или тайных ритуалов, либо каких-то понятных только двоим знаков, намеков, прозвищ, по отсутствию реакции на которые вычислить, что перед тобой кто угодно, но только не твой любовник, – раз плюнуть, несмотря на все внешнее сходство. Ладно, подумаем об этом позже...

Визит прекрасной дамы я пережил относительно спокойно – в основном благодаря параличу. Я просто лежал, смотрел и время от времени блынал глазами. Все равно на большее я был не способен. Впрочем, судя по тому спектаклю, что я наблюдал, большего от меня и не требовалось – дама была мною не очень-то увлечена. Скорее я был для нее неким статусным дополнением, плюс «дежурным кошельком». Ну, мне так показалось... Нет, со стороны, да еще с поправкой на это куда более искреннее время, все выглядело, вероятно, безупречно. Но у меня был столь долгий опыт общения с «ищущими», что я улавливал мельчайшие даже не ошибки, а намеки на них. Некую недостоверность тона, так сказать... Хотя не исключено, что она действительно любила этого... меня, короче, а я просто циник, причем циник, перепуганный циничными женщинами...

Она покинула меня часа через три, после обеда, так же, как сиделка, попытавшись меня покормить и точно так же потерпев неудачу. Уход она обставила тоже очень театрально. Все время, пока шла от кровати к двери, моя посетительница оборачивалась, горестно покачивала левой ладошкой около губ, вроде как посылая мне воздушные поцелуи, и держала правой платочек у глаз. Короче, сцена была столь мелодраматичной, что я ее еле вынес.

Следующие полторы недели протекли однообразно. Я просыпался, мне скармливали ложку-другую горькой настойки, затем появлялся врач, проводил осмотр, после чего меня оставляли в покое. Ну, как правило. Еще несколько раз в день заходил тот мужик с бакенбардами, оказавшийся моим адъютантом, о чем мне поведала словоохотливая сиделка. Пару раз наведывался братец. Раза

три меня посещала та самая возвышенная любовь, всячески демонстрируя страстные и романтические чувства, а также глубокое сострадание. Как я выяснил из единственного доступного мне источника информации, естественно не преминувшего перемыть посетительнице все косточки, она звалась Зинаидой Скобелевой, да еще и графиней де Богарне. Вроде бы эту фамилию носил какой-то родственник или родственница Наполеона. И как ее занесло к нашим пенатам? Или я в параллельном мире, где история пошла по-другому пути и Наполеон у русских в своих ходил? Черт, ни хрена не помню, да и не знал никогда ничего такого, если честно... Наша нежная связь с Зинаидой продолжалась уже несколько лет. Кроме того, она считалась писаной красавицей, и все мужчины вокруг по ней шумно вздыхали. В том числе великие князья, к которым относился и я... вроде как... или нет... Очень сложно что-либо понять, имея в своем распоряжении только один, да еще столь ненадежный, источник сведений. Как в том анекдоте - агентство ОБС, «одна баба сказала»...

Как бы там ни было, я начал потихоньку обустраиваться в этой жизни и даже прикидывать варианты, чем я тут буду заниматься. Единственное, что меня волновало все сильнее, так это отсутствие подвижек в моем физическом состоянии. Я по-прежнему был почти парализован и не способен задействовать никакие мышцы, кроме глазных и управляющих веками. Так что, если поначалу я старательно размышлял о том, каким образом вжиться в необычную для меня обстановку, где и как добывать информацию (ну понятно же, что одной болтливой сиделкой весь спектр необходимых мне знаний не закрыть), как залегендировать мою вопиющую неосведомленность, и пытался, хоть и не особенно успешно, повспоминать типичные признаки амнезии, день на восьмой я бросил это занятие, принявшись просто... злиться. Нет, ну надо же, вот попал-то! Лежу тут бревно бревном, и никаких шансов на то, что в моей жизни что-либо изменится. Положительная динамика состоит только в том, что я худею. Потому как, судя по короткому взгляду, который я успел бросить на себя в зеркало в первый же день, у меня явно килограммов двадцать пять - тридцать лишку. И вот сейчас они потихоньку утекают. Хотя какой в этом толк, если я так и останусь парализованным?

Но на одиннадцатый день я проснулся от того, что у меня зачесался палец. На ноге. На левой. И я машинально дернул ногой, чтобы дотянуться до зачесавшегося пальца рукой. Нет, я до него не дотянулся, но нога у меня ощутимо вздрогнула, а пальцы на руке скребанули по простыне... Меня мгновенно бросило в жар. Неужели?! Я попробовал еще раз, и рука шевельнулась. Еще. Потом шевельнулась и нога. Ура, ура, ура! Я смог, у меня стало получаться!

Я шумно выдохнул и откинулся на подушки, обводя спальню лихорадочно-возбужденным взглядом. Эх черт, жаль, что сиделка-болтушка куда-то вышла, а то вместе порадовались бы... Вместе... Порадовались... Тут мои мысли слегка изменили направление. Так, отставить эмоции, надо успокоиться и подумать. Хорошо-о-о подумать. Допустим, я начинаю оживать. А вот готов ли я к этому? К тому, что дежурные визиты станут более частыми, а разговоры более предметными? К тому, что поток посетителей увеличится, а перечень затрагиваемых в разговорах тем изрядно расширится? К тому, что все, абсолютно все вокруг, в том числе и моя неизменная сиделка, будут ждать от меня определенных слов, действий, поступков, о большинстве которых я не имею ни малейшего представления? И каков будет мой ответ на все эти вопросы?

Я шумно вздохнул и тут же замер. Вот ведь незадача – и диафрагма заработала как надо, и грудные мышцы тоже. Теперь стоит быть о-о-очень осторожным и резко интенсифицировать процесс сбора информации. А также тщательно продумать линию поведения, которой надо придерживаться после того, как изменение моего состояния будет обнаружено. Очень надеюсь, что произойдет это не так уж скоро. Во всяком случае, приложу для этого максимально возможные усилия. Нет, что в моем состоянии появилась положительная динамика – это отлично, я же не идиот желать всю оставшуюся жизнь провести парализованным, даже если это гораздо безопаснее. На хрен такую жизнь! Да лучше сдохнуть! Но и сдохнуть сразу после того, как ты начал сидеть, говорить, ходить – тоже не то чтобы айс. Не по мне, короче. И попасть с диагнозом «одержимый» в какой-нибудь монастырь либо, если я преувеличиваю религиозность местного общества, в какую-нибудь элитную (член правящей фамилии как-никак) психиатрическую лечебницу тоже будет не гут. А в эти времена даже королей в дурдомы запихивали очень даже просто. Того же Людвига II Баварского вспомнить, который такой красивый замок Нойшванштайн построил, а пожить в нем всласть так и не успел, бедолага...

Я стиснул зубы. Ну что ж, Леха, твое, блин, императорское высочество, что бы это ни означало, теперь ты вступаешь на очень тонкий лед. Не ошибись!

Так что к тому моменту, как дверь моей спальни распахнулась, я снова лежал в прежней позе, и только Господь знал, чего мне стоило разгладить простыню на тех местах, где мои ерзающие конечности успели ее сморщить. Но постель-то я в порядок более или менее привел, а вот себя... В общем, полностью устранить последствия бурного утра мне не удалось.

Сиделка подошла к кровати, озабоченно нахмурилась, подоткнула слегка сползшее из-за моих судорожных дерганий одеяло, потом подняла взгляд к моему лицу и всплеснула руками:

- Господи! Испарина-то какая! Да что ж это? Доктора звать надобно!

Дальше была почти полуторачасовая суэта – меня опять мяли, крутили и тыкали иглой, а после обеда все это повторилось еще раз, но на сей раз компанию доктору Боткину составили еще трое представительных мужчин, важно обменивавшихся друг с другом и с Боткиным какими-то медицинскими терминами и фразами на латыни. Ну, так мне казалось. Сам я латыни не знал (за исключением нескольких фраз типа «*Dulce laudari a laudato viro*»[1 - Приятно получать похвалу от человека, так же ее достойного (лат.)]. (Здесь и далее примеч. авт.)] или «*Errare humanum est*»[2 - Человеку свойственно заблуждаться (лат.)], которые иногда вворачивал к месту где-нибудь на переговорах), но по созвучию было очень похоже. Да и вроде как латынь у врачей в обычае. Так что к вечеру я был совершенно измотан, хотя и питал осторожный оптимизм по поводу того, что пока удалось сохранить мой прогресс в тайне. Впрочем, похоже, именно пока. Причем это самое «пока» составит не недели, а максимум несколько дней, и все потому, что высокий медицинский консилиум, осматривавший меня во второй половине дня, принял решение прописать пациенту укрепляющий массаж. Видимо, мои мышцы как-то отреагировали на их упорные иглоукалывания, на основании чего и было принято такое решение. А заниматься самообманом насчет того, что мне удастся ввести в заблуждение опытного массажиста, я не собирался, поэтому следовало продумать, как использовать оставшиеся мне дни с максимальным толком и ловить малейшие намеки на удачу. Ох, как она мне теперь нужна...

И удача таки улыбнулась мне тем же вечером. Измученный лекарями, я лежал, полуприкрыв глаза, и старательно вслушивался в болтовню сиделки. Вследствие своего состояния я никак не мог направлять и контролировать ее разглагольствования, а интересы этой простой доброй женщины лежали далеко в стороне от тем, которые волновали меня в первую очередь. Но я все равно слушал ее очень внимательно – в моем положении не стоило упускать ни грана доступных сведений. Сортировать их будем потом, когда информационный поток из тощенького ручейка превратится в весеннее половодье. Хотя в последнем я сомневался. Если я правильно вычислил эпоху, то для человека, привыкшего к постоянному доступу в Интернет, биржевым сводкам в режиме on-line на смартфоне и сотням телеканалов в любой задрипанной гостинице,

половодья тут не увидеть. Зато навыки обращения с большими объемами информации и, главное, привычка фильтровать информационный шум, уровень которого в покинутом моим сознанием мире превышает здешний на порядки, должны мне тут шибко помочь. Как и умение разделять внимание на пару-тройку потоков – без оногo в большом бизнесе вообще делать нечего...

Вот и сейчас, вслушиваясь в болтовню женщины, я снова и снова гонял в голове планы на ближайшие дни, выискивая в них «блoх» и прикидывая, как реагировать на те или иные ситуации, которые предположительно возникнут, когда мои губы смогут наконец произносить слова. Но несмотря на то что я был занят этими двумя делами, шелест разворачиваемой бумаги заставил меня сначала насторожиться, а затем широко распахнуть глаза и скосить их на сиделку. Та не сразу заметила мой интерес, продолжая рассказывать про новое представление в итальянском «цирике», на котором побывала свояченица ее двоюродной сестры по матери «о позапрошлом дне». А я упорно пялился на смятую газету. В нее был завернут шмат сала с черным хлебом – сиделка собиралась перекусить прямо в моей спальне. Похоже, бедную женщину лекари сегодня тоже загоняли, а оставить пациента без присмотра после столь бурного для него дня она не решилась...

Наконец сиделка перехватила мой взгляд и осеклась, недоуменно уставившись на свои хлеб и сало.

– Ой, ваш сочсво, вы это чего, сальца захотели? – с сомнением в голосе произнесла она. Похоже, высокопоставленные господа здесь сала не потребляли. – Или чего еще?

Добрая женщина наморщила лоб, напряженно размышляя, что же так заинтересовало убогого в ее немудрящей закуске. Впрочем, надо отдать ей должное, поняла она это довольно быстро. Минут через пять осторожных наводящих расспросов...

– Ой, да вы ж газетку глянуть желаете! А я-то дура... Только она старая уже. Третьего дня... Ой, да вы ж тут уже почти две недели лежите... Счас, счас... Вот! – Она аккуратно разгладила газетный лист, сложила его по сгибам и торжественно предъявила мне для прочтения на вытянутых руках. Текст был блеклый, бумага желтая, алфавит, как я и предполагал, старый, то есть со всякими «ятями», «фитами» и твердыми знаками на конце едва ли не каждого второго слова, а посему для меня не особенно внятный. Но главное я углядел. Я

действительно находился в Российской империи, о чем громко возвещал заголовок первой же статьи, и на дворе начинался месяц июнь 1883 года...

Глава 2

– Алексей Александрович, свежие газеты.

– Спасибо, Дима, положи на стол. Я посмотрю позже.

Лейтенант Нессельроде, мой новый адъютант, молча подошел к огромному массивному столу и положил на него пачку свежих газет рядом с несколькими томами статистических сборников, каталогами промышленного оборудования и адресными справочниками, которые подрагивали в такт рельсовому перестуку. Классических для моего времени телефонных справочников в ходу пока что не было. Телефон здесь между деловыми людьми считался дорогой игрушкой с весьма сомнительной пользой, потому что вносил в принятую у местных степенную и неторопливую манеру решения всяческих торговых и деловых вопросов какую-то непонятную и никому не нужную суету. Ну кому понравится подсказывать как оглашенный от трезвонящего звонка, хватать трубку и выслушивать искаженный расстоянием и чудной техникой голос собственного приказчика или партнера, если все, что ты услышишь по новомодному аппарату, тебе расскажут и так, но вечером или там дня через три-четыре? А нешто тебе надобно ранее-то? Не пожар, чай, чтобы эдак полошиться...

Ходить и говорить я начал два месяца назад. Правда, до сих пор делал и то и другое довольно плохо. Зато читал уже почти свободно – взгляд перестал спотыкаться на всяческих «ятях», «фитах» и твердых знаках. Ну да еще бы, перелопатить за два месяца такой объем текстовой информации...

Мои планы посимулировать и за это время подкопить сведений пошли псу под хвост практически сразу. Врачи тут оказались вполне себе профессиональными, поэтому мои попытки скрыть прогресс в выздоровлении Боткин со товарищи раскусили на раз, даже без помощи массажиста, который лишь дополнительно подтвердил их выводы. Впрочем, на массажиста грех было жаловаться – ко мне привели дядьку из цирковых, с огромнейшим опытом, и он не только изрядно поспособствовал восстановлению подвижности моего тела и конечностей, но

еще и хорошо намял мышцы и помог согнать жир. Сбрасывание такого количества килограммов за столь небольшое время обычно отражается на организме очень негативно – перегружается печень, прыгает гормональный фон, начинаются проблемы с суставами. Но благодаря циркачу я пережил этот процесс более или менее сносно. Во всяком случае, по сравнению со всем остальным. Ибо выздоравливал я плохо и медленно, а Боткин и его коллеги ломали голову над тем, что же я себе такое повредил при банальном падении с лошади, чтобы так тяжело и долго болеть. Я все еще передвигался с палочкой и на короткие дистанции, поскольку довольно быстро уставал. Что меня весьма напрягало. Нет, фанатом, двинутым на здоровом образе жизни, я никогда не был, но, так сказать, в форме себя старался держать. Несколько раз за зиму выезжал покататься на горных лыжах, в командировках специально подбирал отели с хотя бы двадцатипятиметровым бассейном (ну, где это было возможно), чтобы давать нагрузку мышцам, и довольно регулярно работал на тренажерах. Просто иначе было нельзя. С тем ритмом жизни, которого требует большой бизнес и при котором малейшая невнимательность может обернуться многомиллионными потерями, здоровье – такой же ресурс, как информация, связи или деньги. А никто не любит терять даже деньги.

Едва врачи вывели меня на чистую воду, слухи о том, что брат императора, великий князь Алексей Александрович Романов, наконец-то очухался от последствий неудачной конной прогулки, тотчас расползлись по Санкт-Петербургу, и ко мне начали ломиться все подряд: от родственников и знакомых до адмиралов и газетчиков. Впрочем, первые, самые опасные, визиты мне удалось пережить успешно. Я принимал всех. Лежа. Бледный. С дрожащими руками и покрытым испариной лбом. В любой момент каждой из десятков состоявшихся за те несколько недель бесед я мог слегка закатить глаза и тяжело задыхаться, демонстрируя собеседнику, что мне внезапно и резко поплохело. Чем я время от времени и занимался. Чаще всего это происходило, когда очередной посетитель задавал какой-нибудь вопрос, на который я не знал ответа. После чего посетитель, как правило, пугался и заполошно звал сиделку, а та выгоняла его враз... ну, или выпроваживала со всем возможным уважением, в зависимости от статуса. Я же делал себе зарубочку в памяти и затем, принимая других визитеров, старался потихоньку выведать информацию, отсутствие которой и заставило меня срочно изобразить резкое ухудшение самочувствия. Естественно, предварительно прикинув, кто мне в этом может помочь. Чаще всего в роли «языка» выступал кто-нибудь из газетчиков. Ну да для этого я их до себя и допускал. Несмотря на то что репортеры вроде как должны были, наоборот, выуживать информацию из меня, в настоящий момент они служили мне наилучшими источниками. Впрочем, в этом не было ничего

удивительного. Люди публичной профессии, да еще и обладающие повышенным самомнением (а иные в публичные профессии не идут), любят поразглагольствовать, поучить и так или иначе показать окружающим, насколько они умны, осведомлены, приближены и допущены. А уж газетчики-то среди таковых в отсутствие телевидения вообще в первых рядах. Просто грех было этим не воспользоваться.

Кроме того, за первые пять недель я сделал очень важное дело: разобрался с родней, то есть некоторым образом составил свое генеалогическое древо, причем никого не озадачив своим незнанием. И удалось мне это во многом потому, что меня посетили все мои родственники – от братьев до тетушек, дядюшек и племянников, как принадлежащих к нашей фамилии, так и чистых иностранцев из других царствующих домов, которых каким-то ветром занесло в Россию. Каждый из визитеров не преминул пройтись по остальным, лягнув или как-то иначе «приласкав» отсутствующих при нашем разговоре. В итоге не только состав, но и внутренний статус каждого родича, и его психологические особенности, и даже взаимоотношения внутри нашего многочисленного семейства теперь были более или менее ясны, хоть это и стоило мне почти двух недель бессонных ночей и непрерывной головной боли, явившейся следствием того, что вместо отдыха я мысленно выстраивал сию громоздкую схему. Уверен, что человек, пусть даже из моего времени, но не имеющий моей привычки держать в голове огромные объемы информации и постоянно оперировать ими, здесь бы не справился. Мне самому это далось ну просто жутко тяжело. А что вы хотите? Романовы за последние почти триста лет, со дня восшествия на престол, оказались повязаны как с остальными правящими домами Европы, так и с российской аристократией таким количеством родственных уз, что общая численность этого объединенного семейства составляла едва ли не пять сотен душ. И это только по наиболее значимым фигурам. А если взять вообще всех – уже тысячи! Молодые отпрыски аристократических фамилий учат всю эту генеалогию годами, и накрепко, потому что иначе никакого общения в светской среде не получится. И хотя я намеревался в ближайшее время максимально дистанцироваться от высшего света и заняться чем-нибудь действительно интересным, генеалогия была мне совершенно необходима. Ибо забыть ее великий князь Алексей Александрович Романов мог бы только вместе с собственным именем. Так что, если я начну сильно путаться, это сразу вызовет множество вопросов и изрядно подмочит мне репутацию. Нет, великим князем я останусь, и сумасшедшим меня, вероятно, никто объявлять не будет, но... Короче, все как в анекдоте о трех типах полковников. То есть о том, что существуют «господин полковник», просто «полковник» и «эй ты, полковник». И за то, что позволено «господину полковнику», «эй ты, полковника» сожрут с

дерьмом. Вот и мне требовалось четко отыграть свою партию и не превратиться в этакое «эй ты, Романова».

– Ваш чай.

Я оторвался от статистического справочника за 1882 год и поднял глаза на адъютанта. Дима был из тех самых Нессельроде, чей предок перешел на службу русскому императору из австрийского подданства. Причем Дима был родственником обоим ветвям Нессельроде, как тем, кои и далее продолжали дипломатическую карьеру, так и тем, что пошли по жандармской линии, и это могло неплохо помочь в дальнейшем воплощении моих планов. Ко мне в адъютанты он попал, отлично выполнив несколько несложных, но необычных поручений, с которыми мой прежний адъютант, тот самый мужик с бакенбардами, капитан третьего ранга Коломиец, похоже более служивший моей светской тенью и подручным для исполнения всяких деликатных поручений, связанных с дамами, чем реальным помощником военного управленца высокого уровня, коим и должен реально являться адъютант, не справился.

А поручения были вполне просты. Я попросил его пригласить ко мне кого-нибудь из толковых жандармских офицеров, опытного слесаря и ловкого стряпчего. Приглашенный жандармский ротмистр оказался беспринципным (что меня в общем-то не напрягло – на то, что удастся сохранить перчатки белыми, никаких надежд не было), бестолковым и – до кучи – ленивым лизоблюдом. Квалификацию слесаря мне проверить не удалось, поскольку тот был запуган до икоты. А вместо стряпчего ко мне ввалился сам владелец крупнейшей в Санкт-Петербурге адвокатской конторы и, утирая постоянно потевшую лысину, рассыпался передо мной мелким верноподданническим бисером, уверяя, что его контора приложит все усилия, дабы полностью удовлетворить его императорское высочество во всем, чего он только пожелает. Например, быстро и в строжайшей тайне устроить, скажем, развод некой особы высшего света, дабы ее рука и, соответственно, сердце оказались свободны... Я тогда не заржал только потому, что это желание полностью уравновесилось желанием выругаться.

После сего фиаско я повелел прислать мне с десятков самых толковых слушателей старшего курса Николаевской морской академии. Причем на этот раз не вызывал Коломийца, а отослал письмо напрямую начальнику академии. Из прибывших офицеров после собеседования я отобрал троих, коим поставил аналогичные задачи. И Дима стал единственным, кто выполнил мое поручение с

требуемым уровнем эффективности. После чего я поблагодарил остальных слушателей и отправил их обратно доучиваться. А затем вызвал Коломийца, торжественно выразил ему благодарность за верную службу и отрядил его в распоряжение управления кадров флота, явно нажив себе этим недоброжелателя. Уж больно взгляд у него был тяжелый, когда он уходил. Ну вроде как бывает у старого сослуживца, с которым ты и пил, и на рыбалки ездил, и гараж перекрывал, а потом вот так раз – и премии его лишил. И мало ли, что ты начальник, а он действительно работу запарол, но ведь пили ж вместе! После такой подлости как раз и возникает настоящая, незамутненная, долгая, мужская ненависть, которая заставляет в любой компании постоянно вспоминать о том, что «был Леха нормальным мужиком, а как в начальники выбился – такая сволочь оказался». Но плевать. В ближайшие пару лет их еще столько будет, с тяжелым взглядом. К тому же истинный великий князь Алексей Александрович Романов вряд ли обратил бы на чей-то взгляд внимание.

Диме же я предложил место своего адъютанта. К его чести, он долго отказывался – дескать, считает себя недостойным, еще не закончил учебу в академии... Однако скорее всего причиной его несогласия было то, что он предпочитал службу во флоте тому, что ему представлялось паркетной шаркатней. И это лишь выше подняло его в моих глазах. Так что пришлось слегка раскрыть карты, после чего он проникся грандиозностью задачи, которую я собирался взвалить на себя, и принял мое предложение.

– Спасибо, Дима. Скоро прибываем?

– Тверь проехали, ваше императорское вы...

– Я же просил наедине именовать меня Алексеем Александровичем, лейтенант.

Дима слегка покраснел:

– Прошу простить, виноват.

Я откинул плед, под которым возлежал на широком кожаном диване салон-вагона, и, нащупав палку, начал приподниматься. Нынешним поездам было далеко не только до скорости, но и до плавности хода «Сапсана», так что пить чай даже в салон-вагоне лучше было сидя за столом, а то могло так тряхнуть, что и обвариться недолго. Дима подскочил и помог мне выпрямиться.

– После Бологого никаких телеграмм не было?

– Нет, Алексей Александрович. – В голосе адъютанта послышалась обида – мол, если что, он бы немедленно доложил.

Я бросил на него насмешливый взгляд. И все-таки в расовых теориях есть зерна истины. Эвон, Нессельроде уже почитай пятое поколение – русские люди, а все одно просматривается в них этакая немецкая пунктуальность и педантичность.

За чаем я просмотрел газеты. Ничего особенно интересного, обычная светская хроника и происшествия, да еще пространные рассуждения либеральнообразной русской интеллигенции о том, как нам лучше обустроить Россию. Ох как любят эти товарищи покрасоваться, все равно где – на трибуне, на экране или вот так, в газете. И что самое грустное – они же, блин, и есть единственный доступный мне пул образованных русских людей. Других нет, и не скоро появятся. Да и в том, что эти самые другие появятся, есть большие сомнения. Конечно, работать над тем, чтобы они появились, я собирался не покладая рук. Но я – один, а вот таких любителей разглагольствований и поучений – море. И выглядят они очень импозантно. И на молодые мозги действуют сильно. Так что все мои старания могут привести к тому, что вместо профессионалов я получу горячих сердцем революционеров, совершенно не желающих заниматься производством, зато мечтающих осчастливить человечество. И как не допустить подобного развития событий, я пока себе не представлял...

Когда я уже слегка разобрался с текущей ситуацией и смог приступить к планированию на перспективу, первым вопросом, который передо мной встал, был вопрос, чем же мне здесь заняться. Нет, как выяснилось, я уже имел неплохой текущий статус – был не просто членом императорской фамилии и великим князем, но еще и самым главным военно-морским начальником. Чин генерал-адмирала мне присвоили буквально за несколько дней до моего злополучного падения с лошади. Так что на первый взгляд перспективы вырисовывались вполне приличные. И разнообразные.

Во-первых, можно заняться тем, чем и занимался мой, так сказать, визави, до того как я занял это тело. То есть окунуться в светскую жизнь, во все эти балы, оперу, любовные интрижки – и получать удовольствие. Тем более что мне как члену императорской фамилии выделялось из казны неплохое годовое содержание. Кроме того, Дворцовое ведомство в прошлом году выкупило

участок между Мойкой и Английским проспектом для строительства дворца для меня, любимого, и я уже имел встречу с господином Месмахером, модным архитектором, который занимался проектированием моих будущих хоро?м. Причем для Месмахера эта встреча была уже второй, и он прибыл ко мне с готовыми набросками, в коих я не решился ничего стилистически менять... А если не хватало выделенного содержания, то казна Военно-морского ведомства была в моем распоряжении, если не в полном, то, во всяком случае, в очень существенном.

Короче, жизнь удалась. Осталось только ею насладиться. Мне, и в прошлой-то жизни бежавшему от большинства «элитных» удовольствий, как черт от ладана! Ну скучно же вести жизнь элитного быка-производителя на ферме за заборчиком! Даже если это заборчик из бабла, а не из колючей проволоки, то есть ты сыт, умыт, ухожен и трахаешься с самыми элитными и не менее ухоженными коровами, да еще и музыка у тебя в стойле играет для твоего развлечения. Ферма – она и есть ферма, хоть и пыжятся все эти светские львы и львицы, выставляя свою «элитность» напоказ...

Нет, совсем, конечно, от светских тусовок я не убежал – они, помимо прочего, еще и неплохие переговорные площадки. Пока увешанные брюликами дамы с делано скучающим видом оценивают друг у друга украшения да туалеты и меряются мужниными «письками» в виде яхт, личных самолетов и вилл, мужики, как правило, работают. Прощупывают настроения, договариваются о временных альянсах и долговременных союзах, сбивают синдицированные кредиты под новые проекты, продают и покупают активы, выясняют текущие тренды и перспективы их развития. Того, что ты можешь узнать на не слишком даже и многолюдном междусобойчике, тебе не откроет никакой биржевой или финансовый аналитик. Нет, потом они всё тебе объяснят – и про тренды, и про повышенную волатильность рынка, и про резкое изменение текущих запасов на ключевых площадках, и про влияние субъективного фактора, но это потом. А вот узнать, что думают о текущей ситуации владельцы бизнесов, то есть люди, принимающие решения, можно только здесь и сейчас. Нигде больше ты столько народу такого уровня не соберешь. Ну, может, еще на какой-нибудь международной конференции, которая, если уж быть честным, тоже во многом тусня. И как ни крути, основная цель любой тусни все равно одна – выгул на пастбище. Конечно, можно иногда и по пастбищу прогуляться, но делать из этого единственное занятие на всю оставшуюся жизнь? Бр-р-р, лучше сдохнуть.

Во-вторых, можно было попытаться попрогрессорствовать. Дашь, так сказать, Россию в лидеры технологического процесса! Загоревшись этой идеей, я, как только слегка очухался и смог сидеть за столом часа по полтора, не сваливаясь от усталости, начал увлеченно вспоминать, что я такого важного знаю или хотя бы слышал, и прикидывать, что из этого требуется в ближайшее время воплотить в жизнь. Чтобы раз-два – и мы с Россией в дамках.

Вспомнил я много чего – от самолета и автомобиля до безопасной бритвы, бутылочных пробок и застежек-«молний». Одних лишь бытовых патентов накопил едва ли не сотню. А что, надо же мои проекты преобразования и развития отечественной индустрии как-то финансировать, и та же бутылочная пробка для зарабатывания денег подходит отлично. Я ведь почему о ней вспомнил? Ее изобретатель Вильям Пейнтер (к настоящему моменту, как я уже выяснил, еще ее не изобретший) в свое время сказал крылатую фразу, по которой его помнят гораздо лучше, чем по самому изобретению: «Наиболее выгодным для производства является тот товар, который необходимо выбрасывать после использования». Одно из любимых изречений в большинстве западных бизнес-школ. Но когда я смог наконец добраться до аналитических материалов и статистических сборников, мой энтузиазм, как говаривал незабвенный Петросян, начал быстро сдуваться. Выяснилось, что массив неизвестной в этом мире информации, с помощью которой я собирался совершить технологический рывок и заработать много денег, мне никак не поможет. Ибо совершить рывок можно... но только не в России. Здесь для этого нет ничего – ни денег, ни промышленной базы, ни спроса. Спроса здесь, кстати, нет даже на то, чем в остальной Европе давно уже вовсю пользуются даже крестьяне и рабочие. А в России это никому не нужно. И денег нет, и привыкли по старинке. Тот же телефон взять. По моим самым скромным прикидкам, в стране на данный момент есть более миллиона потенциальных абонентов, то есть людей, которым телефон пригодится для ведения дел и которые могут себе позволить им пользоваться. А нет, суммарное число абонентов не превышает нескольких тысяч. И это с учетом императорской фамилии и Военного министерства. Но дело тут не только в том, что нет собственного производства. Вон, скажем, в Дании или Италии его тоже нет, а они обогнали нас в разы или даже на порядок, несмотря на разницу в численности населения. Телефон нам просто не нужен – всем и без него хорошо живется. И так, между прочим, во всем!

В общем, созданием промышленной базы не обойтись (хотя она необходима в первую очередь). Нужно сразу же закладывать дополнительные средства на продвижение товара, на маркетинг, на рекламные акции, типа всяких там

бесплатных пробных подключений и т. п. Иначе все бессмысленно. Что бы я ни наизобретал – в стране это не останется. Нет, начинать продвижение все равно придется в России. Уж так тут бизнес устроен. Сначала «где родился – там и пригодился», а потом, большими трудами и нервами, – международный рынок. Либо сразу разворачивать производство за рубежом, то есть рядиться под иностранного «отечественного» производителя. Но тогда чью экономику я двигать буду? Вот то-то и оно... Да и двигать мне разрешат, только если я сумею получить большинство патентов на то, о чем навспоминал. Что само по себе проблематично, поскольку о многих полезных вещах мне не известно ничего, кроме факта их существования и как ими пользоваться, а в технологии производства, исходном сырье и всем прочем я ни бум-бум. К тому же вся мировая патентная система находится под рукой англосаксов, а уж у них с момента создания патентных бюро чего только не зарегистрировано. Если же им все-таки что-то понадобится из моего списка, а я заломлю цену или не продам патента, понадеявшись когда-нибудь развернуть производство и сбывать уже готовую продукцию, они тотчас найдут, как законодательную базу под свой приоритет подвести. Ну как в том анекдоте, где Иван Грозный объявлялся изобретателем рентгена на основании того, что он-де боярам говаривал: «Я вас, сук, насквозь вижу!»

Но опять же повторяюсь: даже если все пройдет в самом лучшем виде и я, одолев этап продвижения на внутреннем рынке (ну я же великий князь и представитель императорской фамилии, неужто не смогу?), вырвусь-таки на международный, все равно в стране товар в необходимых объемах производиться не будет. Не на чем. И не из чего. Той же стали, как выяснилось, в России производится меньше, чем надобно хотя бы для отливки рельсов. За границей покупаем. Не говоря уж о том, что большинство готовых изделий также закупается там – от иголок до бритв и стальных перьев для письма. Скажем, весь российский обеспеченный класс пользуется исключительно золингеновскими бритвами... А здесь если что и производится, то по большей части на неких аналогах совместных предприятий. Скажем, все резиновые изделия в стране либо импортные, либо выпускаются русско-американскими и русско-английскими компаниями, что выводит наиболее вкусную, системную прибыль опять же за пределы национальных границ. То есть Россия в моем «сейчас» – уже сырьевой придаток Европы в большей степени, чем в XXI веке. Этакая цивилизованная колония. Мы вам, европейцам, – сырье, причем в самом дешевом, почти непереработанном виде, вы нам... ну пусть не бусы и зеркальца, но продукцию конечного передела – от бритв до кораблей. Так что все мои патенты либо просто окажутся невостребованы, как пресловутый телефон, либо попадут в руки иностранных предпринимателей и в свою очередь вернутся в Россию уже готовой продукцией. Нет, мне-то самому

это прибыль принесет, но какую? Тысячи, десятки тысяч, возможно сотни тысяч рублей. Ладно, помечтаем и остановимся на миллионе. И не смешно ли? Ну какой технический рывок при таком финансировании? Для технологического рывка нужны совершенно другие цифры. Десятки миллионов рублей. И промышленная база. И достаточное количество квалифицированных рабочих рук и инженерных голов. Да весь список. Потому что сейчас в России нет почти ничего, а то, что есть, отстает от необходимого уровня в разы, а то и на порядки...

Ну и в-третьих, можно не замахиваться на масштаб, а заняться флотом. И как минимум не проиграть Русско-японскую войну, которая должна будет состояться лет через двадцать. Уж не помню кто, но определенно умный человек написал, что именно поражение в Русско-японской войне было одной из ключевых точек, после которой история Российской империи повернула строго вниз, к ее краху... А что, кое-какие знания об артиллерии у меня еще с училища сохранились. Регламент обслуживания той же Д-30 я до сих пор наизусть помню. И конструкцию гидравлического откатника представляю достаточно детально, а здесь, судя по тому, что я успел узнать, только-только примитивные пружинные появились. В общем, есть что предложить, пусть и в достаточно узкой области. Впрочем, и многое другое в голове тоже сохранилось. Так что артиллерию, да хоть бы и флотскую, подтянуть вполне реально. Ну и полевую тоже. И где тогда япошки будут?

Но и эти мои задумки опять «упирались лбом» в слабое развитие страны. Ну посудите сами: производственные мощности уступают таковым в четырех ведущих мировых державах в разы. Доля промышленных рабочих от населения составляет даже не проценты, а доли процентов! Паровые машины для боевых кораблей закупаем за границей, рулевые системы, оптику, а также существенную часть стали, брони – да что ни возьми! – тоже. Призывной состав матросов требуется учить месяцами, прежде чем допускать к вооружению и механизмам. Да и после обучения подавляющее большинство осваивают только простейшее текущее обслуживание, приходя в тупик при малейшей поломке. О какой-либо взаимозаменяемости я вообще не говорю. Инженерных кадров – кот наплакал, а существующая система высшего образования восполнить их недостачу просто не способна. Да что там говорить, если, обладая двух-, а то и трехкратным превосходством в численности коренной нации (это не шовинизм, просто именно под нее, под ее язык и затачивается вся образовательная структура государства) над всеми ведущими европейскими державами и САСШ[3 - САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты.], мы отстаем от них по числу студентов в три – семь раз! И что самое страшное – изменить ситуацию быстро невозможно. Структура экономики России такова, что, даже если где-то

найти деньги (первое фантастическое допущение) и преподавательский состав (фантастическое допущение номер два) и открыть некоторое количество высших учебных заведений, для выпускников этих вузов в стране просто нет рабочих мест. Так что все мои технологические инновации в военной сфере будут мгновенно переняты вооруженными силами более развитых государств и сделают сильнее именно их, а не Россию. Как оно, скажем, произошло с минометами, которые были изобретены русскими офицерами – мичманом Власьевым и капитаном Гобято – во время осады Порт-Артура, но к началу Первой мировой войны уже находились на вооружении германской армии. А российская их так до конца Первой мировой войны и не получила...

И никакие стандартные рецепты второй половины XX века тут пока не просматривались. Бедная страна, причем в целом – как государство, так и население. На интенсивное перевооружение армии и флота, которое могло бы послужить стимулом для развития промышленности, нет денег, крестьянство бедно, поэтому нет спроса на промышленную продукцию, соответственно слаба и сама промышленность, и торговля (ну нет возможности у торговых сетей / купечества резко наращивать обороты, и то, что уже закуплено, продается ни шатко ни валко), следовательно, налоги в бюджет также поступают весьма скудно. Замкнутый круг. И что интересно, вбрасывание в экономику относительно крупной суммы ничего не даст – просто поднимет замкнутый круг на другой уровень цен. Нужны системные изменения. Что же, мне революцией заняться? Так господин Ульянов, насколько я помню, пока еще свой «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» не создал, а разворачивать революционную агитацию и пропаганду члену правящей фамилии как-то глупо. Что, вообще никак уже имеющиеся у тебя возможности использовать не способен? Тогда не хрен и в революцию лезть. Да и вообще, революция, конечно, выход, но уж больно кровавый. Особенно со всем ей сопутствующим типа гражданской войны, эпидемий, эмиграций и так далее. Без оных ни одной революции и не было, не только в России, но вообще во всех странах, где они происходили... Нам с Колькой Сергей Никанорович как-то приводил суммарное число потерь, понесенных Россией в начале XX века. Всего вышло около тридцати миллионов человек...[4 - Потери России в начале XX века:Первая мировая война – около 4 млн человек;Гражданская война (с учетом эпидемий и эмиграции) – более 13 млн человек;голод 1920–21 гг. – более 5 млн;голод 1932–33 гг. – более 7 млн.] И плюс к этому, как говорят, около двадцати восьми миллионов погибших во Второй мировой. «Как говорят», потому что я не уверен, что и эта цифра – подлинная. Вот и сидим мы там, в начале XXI века, всего лишь со ста тридцатью шестью стремительно уменьшающимися миллионами населения. А ведь это только прямые потери. При том уровне воспроизводства,

который страна демонстрировала до 1960–1970-х годов, мы бы лишние миллионы сто имели, а то и двести. Да половину из них в Сибири. Так что чур меня от революций, но что делать-то? Если ничего – все так и пойдет по накатанной. А с другой стороны, меня это волнует? Я-то, похоже, задолго до революции помру. Судя по текущему состоянию... Да вот ведь черт, волнует. Я же русский, а мы за своих всегда горой стояли. Может, потому и смогли переломить хребет Покорителям Европы и Потрясателям Вселенной, какими бы они сильными ни были, сколько бы стран к моменту, как на нас навалиться, под себя ни подмяли и сколько бы народов на себя пахать ни заставили. Только в конце XX века что-то надломилось. Может быть, как раз из-за тех страшных потерь...

Короче, голову над тем, что делать, я ломал долго. Да и сейчас продолжал ломать. Очень задача сложная вырисовывалась. Требовалось одновременно создать и новый рынок, и промышленные и организационные структуры по его конфигурированию и наполнению, да переделать под новые запросы весь экономический уклад общества. Но я же, блин, не Господь Бог! С другой стороны, задачка такова, что адреналин в крови прямо бурлит. Это тебе даже не новую пушку в производство запустить или там ППШ на вооружение армии поставить. Это ж не просто заводы и плотины строить – параллельно еще и с самыми глубинными личными и общественными мотивациями работать придется. Но если этого не сделать – никакие пушки и ППШ не помогут, все равно страна развалится так или иначе. А более мощное и смертоносное оружие, которое я, возможно, сумею пропихнуть на вооружение армии и флота, не дав России никаких серьезных выигрышей в международном масштабе по вышеприведенным причинам, приведет лишь к тому, что сначала в боевых действиях, а затем и в грядущей после развала страны Гражданской войне погибнет гораздо больше людей. И страна окажется еще более обескровленной, чем в той истории, что я знаю...

После чая я прилег отдохнуть. Несмотря на то что с момента моего падения прошло почти два месяца, я все еще чувствовал себя инвалидом. Уж не знаю, чем это было вызвано – великий князь Алексей Александрович, как все отпрыски покойного Александра II и его дражайшей супруги Максимилианы Вильгельмины Августы Софии Марии Гессенской, после замужества Марии Алексеевны, был мужиком крепким, и злополучное падение с лошади никаких видимых следов на организме не оставило. Однако факт оставался фактом: я все еще был плох. Возможно, всему виной процессы совмещения моего сознания и этого тела. В таком случае следовало благодарить Бога за то, что я вообще начал ходить и говорить. Потому что как мог отреагировать мозг на подобное наглое

внедрение, страшно было даже представить.

Впрочем, нет худа без добра. Вследствие затянувшейся немочи запланированное мною расставание с любовницей, той самой Зинаидой Дмитриевной Скобелевой, графиней де Богарне, оказавшейся до кучи герцогиней Лейхтенбергской, прошло достаточно мирно. При очередной встрече я дрожащим голосом заявил, что вижу во всем случившемся перст Господень, указавший мне на мое недостойное поведение, и посему намерен покинуть Санкт-Петербург и заняться трудами на благо флота и государства Российского, а нашу греховную связь считаю нужным прекратить. После чего был обильно орошен слезами, клятвенно уверен, что никогда не буду забыт, но отпущен довольно спокойно. А буквально на следующий день в свете начали гулять слухи о том, что великий князь Алексей слегка тронулся умом на почве религиозного рвения. При этом свет выражал всяческое сочувствие «этой бедняжке де Богарне», которая «отдала ему всю себя...»

Я не преминул воспользоваться столь удачно возникшими слухами и пригласил для исповеди и наставления восходящую звезду церкви, протоиерея Андреевского собора в моей, можно сказать, вотчине – в Кронштадте, отца Иоанна, коего уже начали именовать Кронштадтским. Всероссийскую известность он еще не приобрел, но я это имя помнил. Если я, конечно, не ошибаюсь, и Иоанном Кронштадтским впоследствии не станет кто-то иной. Но я был готов рискнуть...

Исповедь прошла на ура, хотя готовился я к ней двое суток, отрабатывая логические построения и выискивая в них ошибки и неточности. Я не сказал ни слова неправды. Ведь действительно после падения с лошади я почувствовал, что стал совершенно другим человеком. Многие из того, что я делал до сих пор, нынче вызывает во мне отвращение. Теперь я считаю мою прошлую жизнь, протекавшую во дворцах и светских салонах, пустой и бессмысленной. Я решил измениться, мне требуются помощь и наставления со стороны служителя Господа. Разве ж это не так?..

В Клину ко мне снова заглянул Дима.

– Что там? – спросил я, показывая, что не сплю.

– Телеграмма пришла, Алексей Александрович.

– Читай.

– Дворянин Иван Владимирович Мичурин, проживающий в окрестностях города Козлова и служащий по Железнодорожному ведомству, доставлен в Москву. Из всех дворян Тамбовской губернии именно Иван Владимирович наиболее полно соответствует высказанным вашим императорским высочеством требованиям, как-то: увлеченность селекционной работой растений и проживание в окрестностях крупного узлового железнодорожного пункта.

– Отлично! – Я сел на диване и потер рукой лицо. О Мичурине я знал только то, что он выдающийся селекционер, и помнил, что город Мичуринск, расположенный в Тамбовской области, является крупным железнодорожным узлом, потому что в нем останавливаются дальние междугородние поезда. Как этот город назывался раньше, до переименования, и как далеко от него родился или жил сам Мичурин – я не представлял. Но похоже, скудные сведения все равно сработали. Что ж, если все будет идти так, как идет, то, может, у меня еще что-нибудь получится...

Определившись с целями, я прикинул пути их достижения и принципы планирования. Во-первых, пока никакого прогрессорства. Особенно в военной области. Упаси Господь! А вот индустриальное развитие страны стоит подтолкнуть. Причем непосредственно, то есть созданием нескольких промышленных предприятий на уже существующих технологиях. И когда у меня появится пул собственных заводов, уже можно будет попытаться попрогрессорствовать... ну, по мере сил, ибо возможностей у меня, с моим базовым военным образованием, не шибко много. То есть первым необходимым условием для начала прогрессорства в технической сфере является создание условий, при которых я смогу развернуть производство любой новинки именно в России. И это производство должно быть конкурентоспособным относительно любого другого предприятия мира. Во-вторых, нужно действовать так, чтобы страна получила лучшие стартовые условия при любом варианте развития событий. Насколько я помню из рассказов Сергея Никаноровича, к 1920 году уровень промышленного производства в Советской России составлял менее 14 % от уровня 1913-го. А если взять, скажем, 1916-й – вероятно, и того менее. За три военных года промпроизводство в стране должно было очень сильно скакнуть. Война – отличный стимул для промышленного развития. А ежели мы к тому же 1913 году будем иметь уровень в два раза выше того, что был? Даже если революция все равно случится, стартовые условия для следующего этапа индустриализации будут куда более благоприятными. Может, тогда Сталину не

придется ввергать страну в тотальный голод, чтобы получить деньги на закупку станков – свои станкостроительные заводы уже будут работать...

Далее я перешел к задачам и особенностям их решения, в первую очередь имея в виду, конечно, возможность двинуть страну вперед, обойдясь без революций. Ну а как получится на деле...

Итак, главное, что мне нужно, – это потребитель, причем живущий недалеко от моих предприятий. То есть крестьянин (и горожанин, конечно, но Россия – крестьянская страна и еще долго будет оставаться таковой), более богатый, чем сегодня. И где же его взять? Откуда у нынешнего русского крестьянина – с его клочковатым наделом, не закрепленным за ним, а едва ли не ежегодно перераспределяемым в рамках общины по числу едоков, с его снулым семенным материалом, с его полудохлой лошадкой, – откуда у него возьмутся деньги? Тем более если учесть выплаты за аренду помещичьей земли... Неоткуда им взяться. Такого потребителя нужно создавать заново. Это во-первых.

Во-вторых, поскольку я все-таки планирую когда-нибудь потом заняться прогрессорством, производство следует расположить подальше от глаз агентов потенциальных противников, лучше всего в местах, где эти самые агенты могут появиться только в страшном сне.

И в-третьих, не обязательным, но желательным является создание производства с нуля – по новым принципам промышленной архитектуры, а не в процессе хаотичной застройки, как созданы все ныне действующие предприятия. И не только производства, а вообще всей региональной экономики. То есть и потребителя продукции (ну хотя бы той части, которая не будет востребована государством) – тоже. Следовательно, мне нужно много свободной земли, каковая осталась только в районах еще неиспользуемых рудных залежей. И хотя их точных географических координат я не знал, приблизительные мог назвать в широкой номенклатуре. Чай, это моя работа была. Ну, часть работы, поскольку больше всего я, конечно, занимался экономикой и финансами. Но ой сколько это будет стоить... Так что последней в перечне, но не по важности задачей было финансирование всех моих планов.

Вообще-то наиболее выгодным вариантом с точки зрения начальных затрат была Курская магнитная аномалия, опирающаяся на донецкий уголек. Размещая там производство, я сразу решал множество проблем, получая почти все необходимое – от рабочих рук до уже существующей и довольно развитой

системы транспортных магистралей и обширной продовольственной базы. Но по второму параметру этот район не подходил напрочь. Юг России, Малороссия и Новороссия кишели иностранными предпринимателями, начиная с широко известного Джона Юза, основателя Юзовки, впоследствии принявшей название Донецк, и заканчивая, а вернее, продолжая бельгийцами, немцами, австрийцами. Нет, первоначально я собирался привлекать иностранный инженерно-технический персонал – ну просто неоткуда было сразу взять высококвалифицированных русских инженеров, мастеров и даже рабочих в достаточном количестве. Но все иноземцы будут наемниками, которые впоследствии, после окончания контракта, либо уедут, либо осядут и станут российскими подданными. А никаких иностранных соседей мне поблизости не нужно. Тем более что основные инновации пойдут в дело лет через восемь – десять после начала строительства.

Так что вопрос размещения пула моих будущих промышленных предприятий был непростым, и я над ним все еще думал. Но идея потихоньку выкристаллизовывалась. Хотя когда она впервые пришла мне в голову, я посчитал ее бредом, потому что это была идея освоить степи Южного Урала и Северного Казахстана. То есть поднять целину! В первую секунду я едва не расхохотался над этой нелепой мыслью. Какая, блин, целина?! Да ее даже в советское время осваивали десятки лет. И даже при том уровне медицины, который сейчас, в моем 1883 году, представляется запредельным, потери среди переселенцев были масштабные. И бежали люди оттуда тысячами, несмотря на всю советскую дисциплину, комсомол, систему прописки и доблестную милицию. А сейчас... Что сейчас? Тогда-то целину поднимали из-за недостатка хлеба и желания получить его в достатке быстро и без больших капиталовложений, просто за счет плодородия почв. Вот и сделано было все по законам обычной советской штурмовщины – мол, давай-давай, страна требует подвига! А мне-то не хлеб нужен. Мне нужен крепкий хозяин. Причем не через год-два. Заводы-то будут строиться долго, лет десять, и хозяин мне нужен как раз через десять лет. Так что все может получиться, если правильно спланировать. Железная руда там есть и, как я выяснил, месторождение уже известно – та самая гора Магнитная, у которой ныне располагается казачья станица с одноименным названием. Уголь тоже – Экибастуз, до него не слишком-то и далеко. Хотя города там вроде пока еще нет, но его расположение в моем прежнем времени я приблизительно помнил. Уголь – не мой профиль как бы... Ну ничего, геологи уточнят. Тем более что копать его можно наружным способом – экскаваторы, как я выяснил, тут уже всю делают. Правда, опять же не в России... А там и медь неподалеку, в Дзезказгане. То есть и электротехническое производство также получит сырье под боком.

Так, теперь идем дальше. Спрос. Пока на крестьянина, как бы мне ни мечталось, рассчитывать не приходится. Даже через десять лет сколько их у меня там будет? Зато Челябинск недалеко. И судя по тому, что Транссиба еще нет, а к началу Русско-японской войны он едва начал функционировать, скоренько его возьмутся строить. Так что лет на пятнадцать рынок сбыта рельсов и мостовых конструкций намечается достаточно большой. На всех хватит. А там, ежели Русско-японскую войну не проиграем, вся Юго-Восточная Азия в качестве рынка сбыта появится. Через Транссиб-то. Опять же я ведь государственный чиновник и на таком вкусном бюджетном куске сижу – на флоте! Неужто не порадею родному предприятию? Тем более не за собственный карман пластаться буду, а за развитие страны! Мы ж не только новый промышленный район построим, но и, к примеру, железнодорожную сеть заметно расширим. Насколько мне помнится, в тех местах железные дороги лет через сорок – пятьдесят только прокладывать станут, аккурат во времена первых пятилеток... Годам к 1910-м, глядишь, и крестьянство подтянется. Можно будет и тракторы начинать потихоньку клепать. А всякие сеялки-веялки, конные косилки – и того раньше. Вот и раскрутимся. Как на ноги встанем, там и другие производства поднять можно будет. Скажем, до Альметьевска по прямой верст пятьсот – шестьсот, вот тебе и нефтехимия. И все подальше от любопытных глаз.

А проблем всего четыре. Первая в принципе решаемая – рабочие руки. Пустынно там покамест. Ну да Транссиб же построят, в том числе и через куда более дикие места, так что найдем ручки-то, найдем. А вот остальные три в свое время озвучил маршал Джан-Джакопо Тривульцио в ответ на вопрос своего короля Людовика XII, что же ему нужно для завоевания Миланского герцогства: «Деньги, деньги и еще раз деньги»[5 - Это выражение часто приписывают то Людовику XIV, то Наполеону, но на самом деле оно гораздо более раннее.]. Даже сумма первоначальных вложений, которую я попытался прикинуть, уже зашкаливала за сотню миллионов рублей. Причем заметьте, дореволюционных рублей, полновесных. Просто за пределами по нынешним временам! Но в этом был самый смак – похоже, я знал, где взять такие деньги. Правда, до них требовалось еще добратся...

В этот поздний час штабс-ротмистр Канареев, известный всем сослуживцам как человек, чрезвычайно строго относящийся к собственному внешнему виду, а некоторыми знающими его людьми вообще почитаемый щеголем, ничем не напоминал себя обыденного. Поскольку одет он был в поношенный армяк, лапти с онучами, а его лицо украшала косматая борода, каковая раньше могла появиться на щеках ротмистра только в страшном сне. Однако вот появилась, вишь... Да и место, где ротмистр пребывал в столь странном для себя виде, также никак не соответствовало общепринятым представлениям о том, где должно находиться блестящему молодому офицеру. Но Канареева это несоответствие ничуть не напрягало. Наоборот, он был чертовски доволен...

Все началось почти полтора месяца назад. Штабс-ротмистр сидел в своем кабинете и злился. Впрочем, в последнее время это с ним происходило все чаще. И причин тому было множество. Если же вычленить главную для его сегодняшнего состояния, то одной был закончившийся всего лишь двадцать минут назад разговор с начальником Санкт-Петербургского охранного отделения Георгием Порфирьевичем Судейкиным. Да-а, такой выволочки штабс-ротмистр уже давно не получал. И главное – за что? За собственное рвение, по большому счету! И за честность. Нет, теперь надобно держать язык за зубами и в подобных случаях воздерживаться от доклада. А что подобные случаи будут – Канареев не сомневался. Потому что ни на прокуроров, ни на суд, ни, как бы кощунственно это ни звучало, на коллег-жандармов он более не рассчитывал. Всё, борьба с этими взвинченными уродами и хладнокровными убийцами, прячущими свою тягу к вседозволенности и попиранию всяческих норм под прикрытием из возвышенных слов о всеобщем счастье и высшей справедливости, а свою привычку к морфию и кокаину выдающими за первейшее проявление истинной свободы, перешла в другую стадию. Отныне штабс-ротмистр решил почитать ее своим личным делом.

В коридоре послышался зычный голос господина Судейкина. Похоже, досталось кому-то еще, всё никак не успокоится начальник... Штабс-ротмистр скрипнул зубами. И ведь главное – за что?! Никто из законопослушных граждан не пострадал. А ежели четверо подданных Российской империи разнесены в клочья – так и поделом им, нечего было баловаться бомбизмом и химичить взрывчатку на съемной квартире. Тем более с непроверенными компонентами... И судьям опять же меньше работы, а то случаются у них иногда казусы – как, например, с госпожой Засулич. Так ведь нет же, начальство порешило, что Канареев все сделал не так, неправильно и противно закону и заслуживает не просто

порицания, а сильнейшей выволочки...

Именно в этот момент в дверь кабинета штабс-ротмистра, где он предавался негоднованию, аккуратно постучали. Канареев зло скрипнул зубами: «Ну вот, кого-то нелегкая принесла! Скорее всего Петеньку фон Готтена. Небось на мою кислую физиономию полюбоваться пришел. У-у-у, немецкая морда! Точно уже слухи о моей выволочке по отделению разошлись. Да и то, шеф-то орал так, что явно в коридоре слышно было... Однако почему это он не заходит? Похоже, не фон Готтен, тот бы уже ввалился...» И штабс-ротмистр, кашлянув, громко произнес:

- Да, прошу!

Дверь отворилась, на пороге кабинета возник молодой человек в форме флотского лейтенанта. Штабс-ротмистр озадаченно воззрился на него. Что же такого неслыханного могло произойти, чтобы флотский офицер, белая, так сказать, кость и голубая кровь, оказался здесь, в здании Санкт-Петербургского охранного отделения? Эти же снобы не то что руки? таким, как штабс-ротмистр, никогда не подадут – они и заметить не всегда соизволят. Противно, так сказать, их незамутненной дворянской чести.

- Разрешите?

Ого, этот морячок еще и разрешение спрашивает. Интересно...

- Да, прошу вас. – Штабс-ротмистр искривил губы в максимально близком подобии любезной улыбки, то есть сделал все, на что был способен в нынешнем расположении духа.

Моряк вошел и, повинувшись указующему жесту хозяина, опустил свою худую задницу на скрипучий венский стул, стоявший перед столом штабс-ротмистра.

- Итак, чем обязан, милостивый государь?

Моряк глубоко вдохнул, а затем с возникшим в глазах отчаянным выражением произнес:

– Я имею честь пригласить вас для приватной беседы к его императорскому высочеству великому князю Алексею Александровичу.

Штабс-ротмистр ответил не сразу. Пару минут он настойчиво сверлил взглядом молодое и слегка зарумянившееся лицо сидящего перед ним морского офицера. После чего, по-видимому не найдя на лице лейтенанта признаков, указывающих на то, что это дурацкий розыгрыш, неторопливо и этак с демонстративной ленцой спросил:

– И зачем я ему понадобился?

Лицо лейтенанта озарилось улыбкой, сразу же сделавшей его похожим на мальчишку, а не на солидного морского офицера, каковым он все это время пытался выгладеть. Похоже, этот крайне невежливый (особенно учитывая особу, от которой исходила просьба) вопрос ему очень понравился.

– Этого я не знаю, – голос лейтенанта также был пропитан нотками удовлетворения, – но смею надеяться, что его императорское высочество сам вам все объяснит.

– Вот как? – Штабс-ротмистр удивленно и даже несколько картинно вскинул брови. – И откуда же его императорское высочество обо мне узнал?

– А он о вас еще и не знает, – с простодушной улыбкой сообщил ему лейтенант.

– Как это?

– Его императорское высочество поставил мне задачу найти жандармского офицера. И я подошел к ней с инженерной точки зрения, то есть попытался сформулировать некие требования к тому, каким должен быть этот офицер... ну, какими качествами обладать, каким складом характера, навыками, умениями... и так далее.

– Хм... – Штабс-ротмистр окинул моряка заинтересованным взглядом. – И как же вам удалось это сделать?

Лейтенант смутился:

- Ну... я это... подумал. Потом порасспрашивал других... и его высочество тоже.

- Постойте, - прервал его Канареев, - каких других?

- Так его высочество не только мне такую задачу ставил, а еще и другим слушателям моего курса Морской академии.

- И что?

Лейтенант пожал плечами:

- Ничего. Те, кого привели они, его высочеству не подошли.

- А если не секрет, можете назвать фамилии этих господ?

- Лейтенант Ганушкин, мичман Разумовский...

- Нет, я имел в виду моих коллег из жандармского корпуса, которые уже имели честь предстать перед очами его императорского высочества.

- А... нет, тех я не знаю. Хотя... по-моему, фамилия одного звучала - что-то вроде Штерн...

- Вот как? - Штабс-ротмистр задумался. Штерна он знал. Тот был известным лизоблюдом и очень ловким карьеристом, но в уме и хватке ему было не отказать. Так что шансом приблизиться, а то и войти в ближний круг члена императорской фамилии он должен был воспользоваться на все сто. Просто в лепешку разбиться должен был. Интересно, почему Штерн не подошел? - А вы не скажете, почему его отвергли?

- Не знаю, - пожал плечами лейтенант. - Возможно, он не продемонстрировал тех черт характера, которые его высочество искал.

- Да? И каких же это?

Лейтенант улыбнулся:

– Например, въедливости.

Штабс-ротмистр снова вскинул брови и расхохотался:

– Да, пожалуй, за въедливостью – это именно ко мне. Тут вы правы. Но что же еще?

– Самостоятельность. Нацеленность на реальный, а не на формальный результат. Привычка доводить дело до конца, невзирая ни на препятствия, ни на мнение начальства.

Штабс-ротмистр резко посерьезнел.

– Вот как... – задумчиво произнес он и надолго замолчал.

Лейтенант же спокойно ждал, глядя на задумавшегося жандарма.

– Значит, его императорское высочество ищет непослушного подчиненного, – произнес Канареев спустя некоторое время.

– Насколько я мог заметить, – отозвался лейтенант, – его императорское высочество любит использовать слово «эффективный».

Штабс-ротмистр бросил на собеседника острый взгляд, но ничего не сказал и снова задумался. Нет, особого интереса в том, чтобы оказаться в ближнем круге великого князя, у Канареева не было. Он пришел в жандармский корпус с определенной целью и все прошедшие четыре года неуклонно продвигался в ее достижении. А попадание в орбиту столь высокопоставленного лица скорее не приближало, а удаляло его от этой цели. Но рассказ моряка его заинтересовал. Действия великого князя выглядели, мягко говоря, странно. Но в этой странности просматривалось некое второе дно. Какое, штабс-ротмистр пока определить затруднялся, но за то, что оно было, мог бы дать руку на отсечение. И это его сильно заинтересовало, поскольку за четыре года своего продвижения к цели Канареев начал испытывать непреодолимое отвращение к стандартным процедурам. По всему выходило, что приглашение надобно принять... тем более что у него и так не было шансов от него отказаться.

– И как скоро меня ждет его императорское высочество?

– Ну, точных сроков исполнения своего распоряжения он нам не поставил, – отозвался лейтенант, – но думаю, чем раньше вы его посетите, тем будет лучше. И для вас тоже, – усмехнулся он, явно намекая на зажегшийся в глазах штабс-ротмистра интерес.

Канареев несколько мгновений буравил молодого человека напряженным взглядом, а затем снова рассмеялся:

– Да уж, вы правы. Если я явлюсь завтра с утра, это будет удобно?

– Да, только приходите не ранее десяти. Завтра до десяти у его императорского высочества еженедельный врачебный осмотр. – Лейтенант поднялся. – По прибытии попросите вызвать лейтенанта Нессельроде, и я вас провожу к его высочеству.

Оставшееся время до вечера и почти половину ночи Канареев потратил на то, чтобы собрать сведения о великом князе. Узнал он не слишком много – уж больно фигура была высокопоставленная, и пристальное внимание к ней могло выйти боком. В дела подобных господ нос совать чревато. Но кое-что выяснить удалось. Однако ничего из того, что штабс-ротмистр сумел разнюхать, так и не дало ответа на вопрос, за каким чертом его императорскому высочеству понадобился жандармский офицер. Великий князь был типичным представителем царствующего семейства. Достаточно молодой человек с приличным образованием, боевой офицер, как, впрочем, и все Романовы, понюхал и пороху во время русско-турецкой войны, и соленых брызг в дальних океанских походах, бывал и в Америке, и в Китае. Светский лев... ну да еще бы, с таким-то происхождением! Транжира... опять же вполне объяснимо! Известный дамский угодник... ну а как иначе-то? Все ж таки родной брат государя – да такому дамы сами на шею вешаются. Но не пропащий, не картежник... На кой черт ему строптивый жандарм?

Так что следующим утром штабс-ротмистр Канареев в отутюженном мундире прыгнул с пролетки около особняка, занимаемого великим князем и генерал-адмиралом Российского флота, по-прежнему теряясь в догадках относительно того, зачем он нужен столь высокопоставленной особе.

Лейтенант Нессельроде уже его ждал.

– Идемте, – нетерпеливо произнес он после короткого приветствия. – Врачи закончили, и его высочество вас ждет.

– Ждет?

– Да, – кивнул лейтенант, – я доложил ему о вас еще вчера. А сегодня, буквально пару минут назад, он вызвал меня и велел встретить вас и немедленно проводить к нему.

– Вот как? – удивился штабс-ротмистр, и у него засосало под ложечкой. С чего бы это великому князю испытывать такое нетерпение в ожидании жандармского офицера? Ох не к добру сие, не к добру...

Великий князь встретил Канарева в небольшом кабинете – стоял у окна, опираясь на трость, и смотрел на улицу. Штабс-ротмистр вытянулся и с порога бодро отрапортовал. Его императорское высочество молча выслушал рапорт и расслабленно махнул рукой, указывая на кресло у большого двухтумбового стола. Канарев, отчеканив четыре шага, сел, сохраняя прямую спину. В кабинете установилась настороженная тишина.

– Вероятно, гадаете, почему лейтенант встретил вас при входе? – Голос великого князя оказался глухим и сиплым. Впрочем, возможно, это были последствия болезни. О том, что его визави слег после неудачного падения с лошади, штабс-ротмистру было известно давно. В середине мая это происшествие несколько дней составляло содержание первых полос большинства столичных газет. Да и сейчас время от времени появлялись сообщения о том, что его императорское высочество все никак не выздоровеет.

– Никак нет-с, – вскинулся Канарев, – я...

– Гадаете, – оборвал его великий князь, – а ответ прост. Я увидел вас из окна и решил не мурыжить в приемной.

«Мурыжить...» Штабс-ротмистр автоматически засек незнакомое слово, но счел за лучшее промолчать. Если его императорскому высочеству захотелось

объяснить вышеприведенный факт, значит, так тому и быть. У Канареева никаких возражений нет и быть не может. Да и если бы были, он еще не сошел с ума, чтобы их озвучивать...

Между тем великий князь прошелся по кабинету, развернулся и, окинув напряженно замершего жандармского штабс-ротмистра спокойным и даже каким-то неуловимо насмешливым взглядом, сообщил:

– Вот доктора советуют ходить, утверждают, что после столь долгого неподвижного лежания мышцы нуждаются в упражнениях. – И совершенно без перехода, тем же тоном, каким говорил о рекомендациях врачей, попросил... а вернее, приказал: – Расскажите о себе, ротмистр.

– Конечно, ваше императорское высочество! – мгновенно отозвался Канареев, вскакивая на ноги.

– Сидите, – махнул рукой великий князь.

– Как пожелаете! Я родился пятнадцатого сентября одна тысяча восемьсот...

– Интересно, – задумчиво пробормотал его императорское высочество спустя несколько минут после того, как штабс-ротмистр закончил свой рассказ. – У вас в отдельном корпусе жандармов все такие?

– Какие-с?

– Ну, умеют наговорить много слов, ничего не сказав по существу, – усмехнулся великий князь. – Я считал, что подобным даром обладают дипломаты и придворные. Да вы, оказывается, полны неоткрытых талантов, Викентий Зиновьевич.

Штабс-ротмистр едва не вздрогнул. Вот как, великий князь запомнил его имя... «Интересно, что еще он знает обо мне?»

– Многое, – отозвался его императорское высочество.

И на этот раз жандарм действительно вздрогнул – не удержался. А вы бы удержались, услышав ответ на вопрос, заданный лишь в собственной голове?

– Но главного я пока не знаю, – продолжил великий князь. – А именно – подходите ли вы мне. – И он воткнул в штабс-ротмистра испытующий взгляд.

Канареев молча встретил его и в свою очередь дерзко уставился в лицо представителю императорской фамилии. Несколько минут они бодались взглядами, не уступая друг другу, что со стороны жандарма являлось откровенным вызовом, а затем штабс-ротмистр отвел свой. Но именно отвел, а не сдался... И похоже, великий князь понял это. И оценил. Потому что усмехнулся, после чего, постукивая палочкой, подошел к креслу, стоящему за столом, и уселся – впервые со времени начала беседы.

– Расскажите мне о себе, ротмистр, только по-настоящему. Я хочу знать, что вы за человек. Что вас волнует, что нет, о чем вы мечтаете, что ненавидите, а к чему равнодушны. Я понимаю, что для вас это сродни... канкану[б - Канкан – энергичный французский танец, часто исполняемый в кабаре. Долгое время считался непристойным. До конца XIX века выступал в виде этакого протостриптиза.]. Но все же рискните. Мне надобно понять, насколько вы мне подходите.

– Для чего? – напряженно спросил штабс-ротмистр.

– Для моих целей, – довольно жестко сказал великий князь. – Кстати, о ваших разногласиях с Григорием Порфирьевичем Судейкиным можете не упоминать. Он мне сам поведал о них не далее как вчера вечером. Кстати, он намерен подать прошение об увольнении вас со службы.

Канареев стиснул зубы. Вот, значит, как... Ну что ж, об этом подумаем позже. Сначала удовлетворим любопытство его императорского высочества. Причем, похоже, можно уже особенно и не скрывать свои взгляды – все одно карьера кончена...

Когда штабс-ротмистр замолчал, его императорское высочество еще некоторое время сидел, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, затем выпрямился и помассировал шею.

– Я расскажу вам одну историю, – негромко начал он. – В одной далекой стране умами молодых отпрысков из богатых семей завладела идея... – Великий князь сделал эффектный жест, ранее штабс-ротмистру не встречавшийся: согнул левую руку в локте и щелкнул вскинутыми вверх пальцами. – Назовем это идеей всеобщего счастья. Нынешние времена благосклонны к наукам, которые демонстрируют поразительные успехи во всех областях. Успехи химии дают нам возможность пользоваться различными веществами и материалами, каковых никогда не было в природе. Успехи механики позволяют нам пересекать океаны, опускаться в водные глубины, преодолевать огромные леса и бескрайние степи в мгновение ока. – (От внимательного взгляда ротмистра не ускользнул легкий намек на усмешку, как будто на самом деле его высочество совершенно не считал это «мгновение ока» таким уж мгновением.) – Успехи в области электричества позволяют нам обмениваться молниеносными сообщениями, находясь за тысячи верст друг от друга. – Великий князь усмехнулся эдак печально. – Вот многие и решили, что и вопрос, как сделать всех счастливыми, тоже можно решить по науке. Вычислить, так сказать, счастье алгеброй. Создать настоящую теорию полного человеческого счастья и совершенной справедливости. – Он запнулся и отчетливо скрипнул зубами, отчего штабс-ротмистр слегка ошалел.

«Столь сильные чувства по отношению к каким-то отвлеченным теориям?.. Впрочем, те же народовольцы были уверены, что убивают во имя светлого будущего. Неужели его высочество...» – тут Канареев отбросил все свои мысли и жадно уставился на сидящего перед ним человека.

– Их уже сейчас много, – продолжил между тем великий князь, – самых точных, научных, истинных, на любой вкус: социализм, как классический[7 - В конце XIX века еще существовало разделение на марксистов и классических социалистов, исповедующих идеи Фурье, Оуэна и прочих. Социалистами-утопистами классических социалистов стали называть только после победы социалистической революции в «одной отдельно взятой стране».], так и марксистского толка, анархизм господина Прудона, старый добрый либерализм, а будет еще больше... я в этом уверен... – Его императорское высочество вздохнул. – Я не знаю, как в будущем назовут новую, самую верную теорию, объясняющую всё, – возможно, теорией этногенеза, или геополитикой, или солидаризмом, а может, как-то еще, но знаю точно: для ее приверженцев она так же будет полной и абсолютной истиной. Впрочем, я отвлекся... Так вот, молодые люди желали всеобщего счастья. И побыстрее. И естественно, с собой во главе. Как я уже говорил, они были по большей части из богатых или просто обеспеченных семей, так что вопросы зарабатывания денег для ежедневного

выживания их не особенно волновали. А вот свободного времени у них было много, и они тратили его на обсуждение того, что надобно сделать, дабы это всеобщее счастье побыстрее наступило. Вам надо объяснять, к чему они в конце концов пришли?

– К убийству, – хрипло сказал штабс-ротмистр.

– Естественно, – усмехнулся великий князь. – Отчего-то все стремящиеся к всеобщему счастью или справедливости рано или поздно непременно приходят к убийству. Это прямо закон природы какой-то... Ну и соответственно первыми в их списках оказались те, кто изо всех сил противится установлению всеобщего счастья под предводительством означенных молодых людей, а именно – полицейские, государственные чиновники и прокуроры. Впрочем, вполне логично, не правда ли?

Штабс-ротмистр кивнул.

– Ну, значит, эти скучающие и пресыщенные детки богатых родителей решили, что так дело оставлять нельзя и, нанюхавшись кокаина – как же без оно-го-то, это ж первейший признак того, что ты отрицаешь прогнившие нормы и мораль отсталого и косного общества, переполненного лицемерными ханжами, и демонстрируешь всем, какой ты передовой и свободолюбивый... Так вот, нанюхавшись кокаина, они устроили террористический акт. Ко всеобщему удивлению, успешный. А затем второй, третий... – Великий князь, замолчав, бросил на Канарева испытующий взгляд.

И штабс-ротмистр едва удержался, чтобы не заскрипеть зубами. Похоже, его императорское высочество отлично знает, что предвзятое отношение сидящего перед ним жандармского офицера к террористам вызвано личными причинами.

– Понятно, что через некоторое время террористы попались. Они же были дилетантами, да еще и вследствие своего происхождения непугаными. Не могли не попасться. Однако, как я уже говорил, большинство этих борцов за свободу были детьми состоятельных родителей. Поэтому для них были наняты самые дорогие и успешные адвокаты. К тому же состояние умов в том государстве было таково, что наиболее деятельная часть общества сочувствовала идеям, которые исповедовали юные борцы за всеобщее счастье. Среди адвокатов началась настоящая свара за право защищать даже тех, кто был беден и не

готов заплатить. Эти лисьи дети посчитали, что сделают себе на процессе отличную рекламу и затем, став модными адвокатами, возместят затраты сторицей... Впрочем, возможно, кто-то из них действительно разделял идеи молодых террористов. Да и среди этих молодых террористов не все пошли на преступление от скуки или желания возвыситься на людях. Но в моих глазах ни первых, ни вторых это совсем не извиняет... Так вот, этих молодых людей, совершивших убийство не из жадности, не от нищеты и безысходности, а во имя великой идеи, защищали лучшие адвокаты, а самые популярные газеты каждый день публиковали статьи, в которых утверждалось, что подсудимые чисты душой и вообще борцы за народное счастье, а потому заслуживают самого немислимого снисхождения. И их судьи тоже жили не на Луне и не в нашей Сибири, так что и газеты читали, и разговоры, ведущиеся в модных салонах, слушали, да и с родителями многих обвиняемых были знакомы, а то и дружили или имели некие общие интересы. В конце концов молодые люди были оправданы. Но, – его императорское высочество воздел указательный палец, – сие приключение... А как иначе это назвать? Убил, но не только не ответил за убийство, а еще и стал звездой, кумиром, чрезвычайно популярной личностью! Так вот, сие приключение на этом не закончилось. Поскольку число тех, кто стоял между молодыми людьми и всеобщим счастьем, хоть и уменьшилось изрядно – в первую очередь, конечно, потому, что популярность сделала их властителями дум такой же обеспеченной и скучающей молодежи, – но отнюдь не достигло исчезающе малой величины, они вернулись к прежнему занятию. Да еще и не одни, а со множеством последователей. Но следующий суд закончился почти так же. А затем и еще один. И так герои моего рассказа довольно долго увлекательно проводили время, пока... – его высочество окинул взглядом напряженно слушавшего его штабс-ротмистра, – не выяснилось, что есть люди, которых все это очень не устраивает. Это оказались простые полицейские. Ведь все те люди, которых убивали молодые, горячие сердца, желающие всеобщего счастья, были весьма высокопоставленными персонами, имеющими охрану. И чтобы до них добраться, надо было эту самую охрану одолеть. Но молодых людей это почему-то не волновало. Одним полицейским больше – пятью меньше. Главное, чтобы верный пес режима и прихвостень тирана заплатил за всё. А если что-то сорвалось или их просто выследили и арестовали – подумаешь. Нанятые папочкой дорогие адвокаты и владеющие пером журналисты сделают все, чтобы очередное пребывание на нарах оказалось не слишком долгим и не особо тяжким... – Великий князь покачал головой. – Они довольно долго были уверены, что все будет так. Довольно долго... Пока те, кого они убивали походя, не решили вырваться из замкнутого круга: смерть друзей и сослуживцев – арест виноватых – суд – освобождение под восторженные вопли экзальтированной толпы – новая смерть. И обнаружив убийц в очередной раз, они не стали

передавать их в руки правосудия, а решили судить самочинно и честно, избрав из своих рядов и прокурора, и адвоката, четко придерживаясь действующих законов и иных правоустанавливающих актов. Убийц приговорили к тому, чего они уже давно заслужили, – к смерти. – Его высочество замолчал.

Штабс-ротмистр несколько мгновений сидел неподвижно, замороженный рассказом, а затем облизнул внезапно пересохшие губы и хрипло спросил:

– И что?

– Убийцы были казнены сразу же после вынесения приговора. Напрасно они возмущались, требуя законного суда, настоящих адвокатов и прокуроров, обвиняя своих судей в пренебрежении законом, присягой и обзывая их самих преступниками. Их судьи и палачи не обратили на их вопли внимания. Они сами все это уже давно обсудили между собой. Да, все было так. Но у них уже не осталось веры в официальное правосудие. А каждый из тех, кто судил этих борцов за всеобщее счастье, потерял от их рук кого-то близкого – кто брата, кто сына, кто отца. Так что вопли террористов остались без ответа. Они были казнены. А затем и те, кто пришел им на смену. А потом и следующие. И в этой стране всем стало ясно, что больше нельзя убивать полицейских, и судей, и прокуроров – никого нельзя убивать, даже если это делается ради всеобщего счастья, а не из жадности либо от нищеты и безысходности, – аккуратно закруглил речь его императорское высочество.

Канареев удовлетворенно улыбнулся. Его лицо просветлело, как будто этот рассказ подсказал ему ответ на вопрос, который его очень сильно угнетал. Великий князь некоторое время с легкой усмешкой рассматривал жандарма, затем внезапно спросил:

– А знаете, что было дальше?

– Что же? – несколько отвлеченно спросил штабс-ротмистр.

– Они, эти полицейские, убили несколько тысяч человек. Не помню точно сколько. Уж больно много оказалось последователей у молодых людей из богатых или просто обеспеченных семей. Впрочем, среди этих нескольких тысяч таковых было менее половины.

– Вот как... – Улыбка штабс-ротмистра из удовлетворенной стала настороженной.

– А затем государство, которому полицейские, как они сами считали, служили, рухнуло, – голос великого князя молотом ударил по штабс-ротмистру, – и к власти пришли идейные последователи тех, на кого охотились эти полицейские. И их самих стали травить как собак. Тем более что после нескольких первых казней... ну ладно, после пары десятков казней эти люди привыкли к роли судьи и палача, более того, вошли во вкус, совсем как те, кого они сами казнили. И постепенно они стали убивать не только тех, кто действительно заслуживал казни, но и других, тех, кто, возможно, заслуживал наказания, даже тюрьмы, но никак не смерти. А затем и тех, кто вообще не был преступником, но мешал им или просто считал их методы неприемлемыми и говорил об этом вслух. Так что к тому моменту, как государство рухнуло, их считали бешеными собаками не только идейные противники, но и все население этой страны. Абсолютно все в ней живущие. – Великий князь замолчал, спокойно глядя на крайне озадаченного жандарма.

Некоторое время в кабинете царила напряженная тишина. Наконец штабс-ротмистр тихо спросил:

– Зачем вы мне все это рассказали?

– Я знаю, чем вызван переход блестящего гвардейского офицера из кавалергардского полка в отдельный корпус жандармов, – так же тихо ответил великий князь и после короткой паузы добавил: – И полностью разделяю ваши чувства.

– Вот как?

– Да.

В кабинете снова установилась тишина, затем штабс-ротмистр хрипло произнес:

– И что вы хотите мне предложить?

– Мечь.

Канареев воткнул в сидящего перед ним человека горящий взгляд. Тот невозмутимо выдержал его и продолжил:

– Именно месть, но правильную. Таковую, которая не сожжет вас изнутри и не уничтожит как члена общества, а, наоборот, позволит занять в нем достойное место.

– Что вы имеете в виду? – уточнил штабс-ротмистр после нескольких минут напряженного размышления.

– Борьба с революционерами, только лишь убивая или, скажем, сажая их в тюрьму и отправляя на каторгу, бессмысленно.

– Знаю, – губы штабс-ротмистра искривились в презрительной усмешке, – читал. Вы думаете...

– Не перебивайте меня. – На этот раз голос великого князя был холоден, как петербургский лед на Крещение.

Канареев мгновенно опомнился:

– Э-э... прошу простить, ваше императорское высочество.

Великий князь кивнул, дав понять, что извинения приняты, и продолжил:

– Вы невнимательны. Я же сказал «только лишь убивая». – Он подался вперед, оперев в жандарма ледяной взгляд. – Мы будем их убивать. А также перевербовывать. И выставлять дураками или наймитами иностранного капитала, причем в последнем случае это отнюдь не всегда будет являться ложью. И так далее. Но в первую очередь мы займемся не этим. Мы будем зарабатывать деньги, много денег – десятки, а если все пойдет, как я планирую, сотни миллионов рублей. И на эти деньги мы будем плавить сталь, растить хлеб, возводить плотины, строить корабли, дома и заводские корпуса. Но и это не все. Мы будем растить новых людей. Людей, которым некогда будет заниматься разными революционными бреднями, потому что у них будет свое дело, дело их жизни, дело, которое они передадут своим детям. И эти господа, мечтающие о варианте всеобщего счастья с собой во главе, окажутся бессильны перед такими

людьми. Поэтому, если мы сможем сделать так, что через тридцать – сорок лет именно такие люди окажутся в нашей стране в большинстве, господа бомбисты проиграют. Навсегда. И... более никто невинный не погибнет от их бомб. Так, как это произошло с вашей старшей сестрой. И разве не это будет самой правильной мезтью?

Штабс-ротмистр склонил голову:

– Несомненно, ваше императорское высочество.

Великий князь усмехнулся:

– Перестаньте. Мне нужен единомышленник, а не тупой исполнитель. Тем более, повторяюсь, я сказал «только лишь». Извольте сделать правильный вывод из моей фразы.

Жандарм несколько мгновений молча буравил взглядом собеседника и наконец тихо спросил:

– А если мне... нам попадутся те, кто... кто виноват в смерти моей сестры?

Великий князь слегка искривил губы в легкой усмешке:

– Вы жаждете крови?

– Этих – да! – жестко ответил ротмистр.

– Что ж... – Его императорское высочество задумчиво покачал головой. – Если их смерть в тот момент, когда они нам попадутся, не помешает исполнению наших главных, да и текущих задач, то... я думаю, мы не будем обременять императорское правосудие теми проблемами, которые сможем решить сами.

Лицо Канарева озарило злое торжество:

– Я немедленно подаю в отставку! И отдаю себя в ваше полное распоряж...

– А вот торопиться не надо. Я думаю, ваша отставка преждевременна. Вы мне понадобится и в этом синем мундире. Кроме всего прочего, я еще и генерал-адмирал, и сдается мне, пришла пора навести порядок в морском ведомстве. А то что-то не нравится мне, как там обстоят дела...

Штабс-ротмистр молча наклонил голову. Если требуется остаться на службе, значит, так тому и быть. Нет, он не забыл, как великий князь в начале разговора упоминал, что Судейкин собирается подавать прошение об увольнении его, Канареева, со службы. Но против воли его императорского высочества Судейкин никак не тянул. Если его высочество решил, что Канарееву полезнее остаться на службе, – быть по сему.

– Отлично, а теперь давайте поговорим о том, для чего вы мне понадобились...

За забором, у которого притаился штабс-ротмистр в необычном наряде, послышался скрип отворяемой двери парадной. Канареев приподнялся и заглянул в щель. Он! Штабс-ротмистр развернулся и, выудив из-за пазухи тонкий белый платок, так не вязавшийся с его нынешним обликом, несколько раз взмахнул им в сторону дальнего угла дома. Пару мгновений ничего не происходило, затем из-за угла послышались шум, крики и почти сразу пронзительный свисток городского. А спустя еще одно мгновение из-за угла выметнулись две темные фигуры и, топоча сношенными башмаками, пронеслись мимо штабс-ротмистра, снова затаившегося в зарослях бузины.

– Никшни, Тятеря, – хрипло просипел на бегу один, – скидывай хабар! Заметут!

Второй зло взвыл, и тотчас в заросли у забора полетели какие-то свертки, кульки, тряпки, а еще через несколько вдохов обе фигуры исчезли в ближайшей подворотне. Но за секунду до этого из-за того же угла появились грузно бегущий городской, продолжавший отчаянно дуть в свисток, и топающий за ним дюжий мужик в грязноватом белом фартуке и картузе, с метлой наперевес. Впрочем, назвать метлой монументальное сооружение, которое он держал в руках, можно было с очень большой натяжкой – скорее дубина, просто замаскированная под этот дворницкий инструмент. Преследователи промчались по переулку не останавливаясь и, пыхтя как два паровоза, скрылись в той же подворотне, где исчезли двое грабителей. Потому что в профессиональной принадлежности первой парочки после всего произошедшего мог бы усомниться

только слепой. Некоторое время в переулке стояла испуганная тишина, но затем у ворот, ведущих во двор дома, около забора которого притаился штабс-ротмистр, послышался шорох и следом удивленный возглас:

– Господи боже!

Штабс-ротмистр довольно ухмыльнулся. Ну-ну, господин инженер нашел кошелек и обнаружил там деньги, причем немалые. Теперь посмотрим, как он поступит. Если пойдет в полицию и сообщит о находке – значит, работать с ним Канареев будет по первому варианту, как с честным и порядочным человеком, а если нет – Канареев все равно будет работать с господином инженером, но методы этой работы господину инженеру вряд ли понравятся. Ну что ж, как сказал великий князь, каждый рано или поздно сталкивается с выбором, остаться ему честным человеком или отбросить «эти глупые предрассудки» ради собственной выгоды. И одна из главных задач штабс-ротмистра состоит отнюдь не в том, чтобы побудить работающих на его императорское высочество людей оставаться честными. Это, в конце концов, невозможно, ибо строго индивидуально. Задача штабс-ротмистра в этой области заключается в том, чтобы выбор, сделанный человеком в самый неподходящий момент, не нанес серьезного вреда их делу. Почему бы для этого немного не подтолкнуть ситуацию, не создать ее несколько раньше, чем ее создадут другие, скорее всего ставящие своей целью нанести вред планам великого князя?..

– Вот ведь незадача, – снова послышалось от ворот. – Этак я точно опоздаю.

И зазвучали торопливые шаги в направлении полицейского участка.

Канареев дождался, пока они утихнут, выпрямился и с хрустом потянулся. Похоже, господин инженер оказался честным. Что ж, штабс-ротмистр был рад за него. Пока. До следующей проверки...

Глава 4

– Алексей Александрович, почта.

Я оторвался от толстой папки с личными данными и поднял взгляд на Диму:

- Уже три?

- Да, - наклонил голову секретарь.

Я потер глаза. Вот черт, время-то как летит! Вроде только сел...

- Спасибо. Есть что-то по особому списку?

- Да, два письма, от заводчика Трындина из Москвы и от профессора Менделеева.

- Отлично. Давай их первыми и... принеси-ка чайку. С лимончиком.

Пока Дима ходил за чаем, я быстро распечатал письмо Трындина. С Петром Егоровичем я познакомился в Москве. Трындины были крупнейшими производителями оптических, физических и геодезических приборов в России. На Петра Егоровича меня вывел полковник в отставке Курилицин, который исполнял в моем небольшом штабе обязанности кадровика. Да, за прошедшее время я обзавелся небольшим штабом. Пока в нем состояли лишь три человека: Курилицин, штабс-ротмистр Канареев, назначенный мною руководителем службы безопасности, и... осужденный Кац. Да-да, именно осужденный. Яков Соломонович Кац, сорока двух лет от роду, осужденный на двадцать лет тюрьмы за мошенничество в особо крупных размерах. Его мне порекомендовал Канареев. Мы как раз обсуждали структуру и штат его собственной службы, когда я обмолвился, что ищу человека, способного заняться финансами, а спустя десять минут заметил, что штабс-ротмистр временами выпадает из разговора.

- Что с вами, Викентий Зиновьевич? Вы стали довольно рассеянны.

- Прошу простить, Алексей Александрович. Просто вы тут упомянули о том, что ищете финансиста...

- Да, а что?

- Э-эм... мне кажется, я знаю человека, который мог бы вам подойти.

Я усмехнулся:

- Вы разбираетесь в финансах?

- Нет, - усмехнулся в ответ жандарм, - в людях.

- Хм, интересно. И кто же эта таинственная личность?

- Осужденный Кац.

Я удивленно воздел брови:

- Осужденный?

- Да, Алексей Александрович. - Штабс-ротмистр явно наслаждался произведенным впечатлением.

- Да еще и Кац?

- Именно. Кац Яков Соломонович!

Я несколько мгновений непонимающе сверлил штабс-ротмистра взглядом. Еще в самом начале нашего общения, когда мы с ним обсуждали общие принципы деятельности его службы, я настоятельно рекомендовал ему не брать в нее евреев. Хотя бы на руководящие посты. Нет, антисемитизмом я не страдал. В моей команде, оставшейся в прошлом, вернее, в будущем, двое из семи членов ближнего, так сказать, круга носили фамилии Цеперович и Нудельман. Так что ничего против людей этой крови я не имел. Вопрос был в другом. Здесь, в этом времени, евреи все еще были изгоями. То есть очень сплоченной и насквозь пронизанной мощными неформальными, в первую очередь родственными и общинными связями группой. Причем большое влияние в еврейских общинах имели раввины. Из чего вытекало, что даже самая искренняя вера в меня и верность этих людей будут подвергаться сильнейшему воздействию со стороны. И в один прекрасный день к ним может прийти какой-нибудь двоюродный брат жены дяди внучатого племянника свекра шурина, приехавший из какого-нибудь Бирмингема навестить родственников, и попросить о ма-а-аленькой услуге. Ну, или при очередном посещении синагоги раввин попросит их задержаться и

ответить на пару вопросов вот этого уважаемого человека, который сильно помог общине и через пару дней уедет к себе в Бостон. Но если, зная все это, штабс-ротмистр все равно предлагает мне Якова Соломоновича Каца, значит, дело обстоит не совсем так, как кажется на первый взгляд.

- Поясните.

- Дело в том, что он русский.

- С такими-то именем и фамилией? - Я недоверчиво хмыкнул.

Жандарм усмехнулся:

- Да, по их законам. Соломон Кац - его отец, а матушку звали Авдотья Микулина. У евреев же родство исчисляется по матери.

Я понимающе кивнул. Действительно, у евреев родство исчисляется по матери. Впрочем, не только у евреев - подобные традиции имеют и другие народы, например туареги или некоторые племена аборигенов Австралии, и связаны они, как правило, с тем, что в определенный момент истории такой народ оказался на грани вымирания, потеряв гигантское число мужчин, и женщинам пришлось рожать детей от кого попало - от солдат-оккупантов или от собственных рабов. Именно в этот момент и произошла смена традиции признания родства от классической, по мужчине, к обратной - по женщине. Прямым подтверждением тому служит, например, Ветхий Завет, собрание древнейших текстов еврейского народа. В той же Книге Бытия, в которой рассказывается о родословной первых людей, написано: «У Еноха родился Ирад [Гаидад]; Ирад родил Мехиаеля [Малелеила]; Мехиаель родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха». Ни о каких матерях и их национальной принадлежности пока не упоминается. Не важны они - родство идет по отцу.

- К тому же папаша его был в свое время за что-то изгнан из таманской общины и просто ненавидит соплеменников, каковую ненависть передал и сыну. Большого антисемита, чем Яков Кац, я не встречал.

- Ну, антисемиты мне тоже ни к чему, - покачал я головой. - Особенно на этом месте. Так или иначе моему финансисту придется общаться с банкирами, а среди них представителей этого... вероисповедания[8 - Иудей - это не

национальность, а именно вероисповедание в классическом представлении. А по крови евреи – часть семитских племен, подавляющее большинство которых (от 300 до 400 млн, по разным оценкам) составляют арабы.] непропорционально много. И мне совершенно не нужны лишние проблемы.

– Не беспокойтесь, – усмешка штабс-ротмистра превратилась в откровенную насмешку, – в этом отношении Яков Кац – стопроцентный еврей и никогда не позволит личным чувствам помешать возможной прибыли. К тому же он – гений. Причем признанный. Именно этим и вызван его столь долгий срок заключения – отвергнутые им родственнички постарались, после того как он несколько раз очень чувствительно прихватил их за самое дорогое, за их кошелек. Вот они и проплатили всем, кому только можно, чтобы отбившуюся от стада овцу примерно наказали. Нет, если бы он, как большинство этих господ, доил государственную казну, они бы и пальцем не пошевелили. Но покуситься на их собственную кошелек... есть ли преступление более подлое и гнусное?

Я снова помолчал, а затем осторожно произнес:

– Как я понимаю, господин Кац – ловкий финансовый мошенник. Мне же нужно нечто другое.

– Он – гениальный финансист, – парировал Канареев. – И покажите мне финансиста, который при этом не являлся бы мошенником. К тому же он ухватил за кошелек не только местных, но и своих соплеменников... ну ладно, формальных соплеменников из Германии, Франции и Великобритании. Ходят слухи, что его ареста добивался сам Ротшильд.

– То есть вы хотите поспорить меня с Ротшильдами?

Штабс-ротмистр пожал плечами:

– Решать вам. Но я уверен, что никого лучше разбирающегося во всех этих цифрах, счетах и переводах вы не найдете. В конце концов, его не обязательно светить. Но не использовать его мозги я считал бы, как вы говорите, непродуктивной растратой ресурсов, – щегольнул Канареев фразой из моего лексикона.

– Хорошо, я с ним встречусь, а там посмотрим, – дипломатично отозвался я. И не пожалел о принятом решении, вследствие которого Яков Соломонович Кац сменил одиночную камеру Крестов на комфортабельную трехкомнатную квартиру в Кронштадте. Я не стал добиваться его освобождения и снятия с него обвинений, тем более что все они были правдой. Я просто изменил ему режим содержания. Обо всем остальном мы уговорились пообщаться немного позже. Лет через пять. Когда (и если) он докажет мне свою полезность...

– Ваш чай, Алексей Александрович.

– Спасибо, Дима, – кивнул я, пробегая глазами текст письма Петра Егоровича.

Трындин писал, что опыты по созданию оптической системы дальности измерений продвигаются отлично и что откомандированные в помощь инженеры Петухов и Курдюмов очень помогли в этом деле – действующий образец оптической системы дальности измерений с базой в сажень будет готов уже к концу этого года, а подготовку документов для получения международного патента он уже начал. Я усмехнулся. Что ж, приятно не ошибиться. Идею оптических дальномеров Петр Егорович уловил с полупамятки. А когда я еще пообещал под это дело усилить его химиком-оптиком и инженером-механиком, согласился даже начать разработку одного устройства на свой кошт... И это означало, что на сей раз русский флот получит серийные оптические дальномеры первым среди всех.

Я отложил письмо и задумался.

Повышать боеготовность и боеспособность русского флота я решил не какими-то коренными изменениями проектов и конструкций кораблей, а преобразованием системы подготовки экипажей и модернизацией вспомогательных механизмов. В кораблестроении я не смыслил ничего. Вообще. Поэтому влезать со всякими там «гениальными» идеями и раздавать указания делать «так, как я скажу» не собирался. Даже если какие-то отдельные идеи мне самому казались приемлемыми. Всякому овощу свой срок. Иногда даже гениальные изобретения, которые кто-то пытался внедрить до того, как для их воплощения созреет среда, то есть появятся технологии и необходимая инфраструктура, не только не давали выигрыш, но еще и ухудшали положение внедрившей их стороны. Так что в генеральном плане пусть все идет своим чередом и все принятые кораблестроительные программы движутся так, как задумано. Я же послежу

лишь за тем, чтобы они воплощались в жизнь без особенного воровства и иных нарушений. А вот оснастить разработанные современными мне нынешнему кораблестроителями боевые корабли всяческими сервисными механизмами – дальномерами, радиостанциями, электромеханическими системами управления огнем, успокоителями качки, ускорителями заряжания и так далее, и натренировать экипажи так, чтобы они использовали новшества максимально эффективно, – почему бы и нет? Уж хуже-то точно не будет.

Вследствие этого я почти сразу после того, как получил в свое распоряжение полковника в отставке Курилицина, велел ему собрать сведения о крупнейших российских промышленниках и параллельно – о российских изобретателях. Сам я из таковых помнил только о Попове, Мосине и Барановском. Но Барановский уже погиб, Мосин, как выяснилось, пока еще ничем себя не проявил, и Попов тоже. Из числа же тех, кто носил фамилию Попов и Мосин, наиболее вероятными кандидатами на ту роль, какую им предстояло сыграть в истории, были некто Александр Степанович Попов, оказавшийся некоторым образом моим подчиненным, поскольку в настоящее время он являлся преподавателем физики, математики и электротехники в Минном офицерском классе в Кронштадте, и начальник инструментальной мастерской Тульского оружейного завода Сергей Иванович Мосин. Но те ли это Мосин и Попов, мне оставалось только гадать. Впрочем, очень вероятно, что те, поскольку во время посещения Кронштадтской военно-морской базы, когда я не преминул проинспектировать Минный класс, Попов признался мне, что предпочел эту должность в первую очередь потому, что при Минном офицерском классе имеется хорошо оборудованный физический кабинет, что позволяет производить научные исследования в области электричества. Я благосклонно выслушал его рассуждения и поощрил энтузиазм исследователя пятьюдесятью рублями премии, а также выделил еще сто рублей на закупку необходимых материалов для продолжения исследований и велел командованию базы всячески помогать горящему на работе преподавателю. Может, это ему чем-то поможет побыстрее изобрести радио. Хотя с подобными поощрениями надо быть осторожным – а ну как господин изобретатель, получив большее финансирование, увлечется чем-то таким, чем в ином случае не стал бы заниматься как раз из-за недостатка средств, и пройдет мимо того, что требует не столь больших затрат, но потом окажется куда как более эффективным. Так что не получить бы мне вместо радио какой-нибудь сырой радиополукомпас или типа того, короче то, что довести до ума в ближайшие тридцать – сорок лет не представится возможным вследствие общего отставания технологий, а вот приоритет в создании радио будет потерян. Ну да ладно, Кронштадт под боком, буду время от времени навещать изобретателя. Если его не туда занесет – наставим на путь истинный.

Мосина же я посетил во время пребывания в Москве, аккурат после встречи с московскими купцами и промышленниками, среди которых был и Трындин. Сергей Иванович, краснея от смущения и удовольствия – член императорской фамилии заинтересовался его скромными трудами! – показал мне разработанный им восьми-патронный магазин к винтовке Бердана и посоветовал, что Главное артиллеристское управление считает это излишеством, потворствующим, так сказать, расходу боеприпасов. Я посочувствовал изобретателю, а затем аккуратненько так начал капать ему на мозги – мол, жизнь так устроена, что наиболее востребованными являются не самые совершенные устройства и механизмы, а самые дешевые, так что в процессе изобретения стоит подумать и над усовершенствованием, и над удешевлением технологии. Например, англичане придумали использовать так называемые вырубные прессы, которые сразу, за одно действие, не только отрубают от листа нужный кусок металла, но и таким хитрым образом заворачивают его так, что получается уже почти готовая деталь, требующая минимальной обработки. Что же касается требований Главного артиллеристского управления, кои кажутся ему не слишком разумными, – пусть их. Просто надобно попытаться изначально предусмотреть в конструкции возможности модернизации. Скажем, сделать магазин пятизарядным, но оставить место, чтобы из однорядного магазина сделать полтора, а то и двурядный. И тогда при необходимости – раз! – оружие без особых проблем становится восьми-, а то и десятизарядным. Ну, где-то так... А для того я советую ему наладить отношения с инженерами-технологами и отслеживать новинки в станкостроении. И готов поспособствовать в стажировке на зарубежных оружейных заводах.

Последнее обещание я уже почти выполнил: в январе будущего 1884 года Мосин и еще три человека по его выбору поедут на оружейные заводы в САСШ, Великобританию, Францию и Германию на полгода. Это необходимо. К сожалению, гремевшей в мое время русской школы конструирования стрелкового оружия покамест не существует, уже десятки лет русская армия закупает оружие, созданное иностранцами – Берданом, Наганом, Смитом и Вессоном, Норденфельдом. Отечественную же оружейную школу надо создавать заново, причем на максимально передовой основе. Поэтому я и употребил все свое влияние, чтобы сначала сформировать на базе Тульского завода группу по стрелковому оружию под руководством Мосина, включив в нее пару инженеров, химика-технолога и нескольких опытных мастеров-оружейников, пусть и преклонного возраста, но обладающих гигантским опытом, коим как раз вследствие возраста грозило скорое увольнение с завода, а затем, после нескольких месяцев притирки, отправить основную часть группы на стажировку.

Кроме того, каждому из них Главное артиллеристское управление выделяло достаточную сумму на закупку наиболее интересных образцов оружия и оснастки. Но это был максимум того, что я мог для них сделать. Стрелковое оружие – не моя епархия. Во флоте властвуют пушки.

Письмо Менделеева оказалось более пространным. Дело в том, что я собирался создать нечто вроде лаборатории по совершенствованию конструкции кораблей и корабельного вооружения. В том числе и для проверки и доработки тех, по большей части обрывочных, воспоминаний, которые присутствовали у меня в голове. Например, о разнесенном бронировании или о том, что русские снаряды в Русско-японскую войну имели крайне грубые взрыватели, благодаря которым наши снаряды могли взрываться даже после того, как пробивали корабль насквозь. Или не взрываться вовсе. Ну и еще кое-что было. Но насколько то, что я запомнил, имеет отношение к действительности – надо было еще установить. Я вон пару лет принадлежал к числу правоверных резуноидов и свято верил в ту чушь, что написал этот выкормыш британской разведки, пока мой однокашник по училищу Серега Пономаренко, работавший системным аналитиком в банке, во время очередной пьянки на день выпуска не разложил все резуновское вранье по полочкам. И не только резуновское, впрочем, – начиная со всей системы немецкого блицкрига, предусматривающей превентивное, опережающее нападение на противника. Что, Польша тоже собиралась атаковать Германию, а также Бельгия, Франция, Норвегия, Греция и так далее или со всеми этими странами Гитлер был вероломным подонком и только с Советским Союзом внезапно решил показать себя честным и соблюдающим все международные правила, которого «спровоцировал» бьяка Сталин? Или как соотносится стремление Гитлера упредить вот-вот надвигающееся нападение на него Сталина с переносом сроков начала «Барбароссы» более чем на месяц в связи с отвлечением сил на Греческую операцию? Он что, настолько точно знал дату нападения Сталина, что ничтоже сумняшеся отвел ударные части от границы и задействовал их на второстепенном театре военных действий? Или все-таки был точно уверен, что со стороны СССР ему ничего не угрожает и война начнется только тогда, когда он сам отдаст приказ? Не говоря уж о таких перлах Резуна, как автострадные танки. Впрочем, этот его перл я сразу оценил по достоинству. Танк, сбросивший гусеницы, – это же мечта любого артиллериста-ПТОшника[9 - ПТО – противотанковая оборона.]. Поставил в удобном месте одну-две пушки и расстреливай танки батальонами и полками. Куда они с автострады без гусениц денутся-то?..

Так вот, чтобы быть уверенным, что мои отрывочные воспоминания не являются точно такими же перлами, я и решил заложить эту лабораторию. Причем идея

была в том, чтобы привлечь к работе наряду со специалистами еще и ученых широкого профиля. Для чего мне и потребовались рекомендации Дмитрия Ивановича, ибо его авторитет в научных кругах был чрезвычайно высок, хотя верхушка академии его не жаловала. Ну а он, воспользовавшись случаем, решил вывалить на меня еще и множество идей, которые теснились в его гениальной голове. И одной из них оказался проект чего бы вы думали? Ледокола! Интересно, а у нас изобретателем ледокола считают адмирала (вернее, пока еще капитана первого ранга) Макарова...

Допив чай, я закончил разбираться с почтой. Большинство писем оказались мусором типа приглашений на различные пати, балы и в салоны. К счастью, у меня пока отличная отговорка для того, чтобы игнорировать эти приглашения, – болезнь! За последний месяц я изрядно окреп и уже мог передвигаться без палочки, да и уставал не так быстро, но чувствовал себя все еще не слишком хорошо. Так что был вполне в своем праве. Впрочем, встречаться с врачами я не перестал – были у меня в отношении медицины кое-какие мысли. Чем больше медицинских светил меня посетят, тем больше таких я смогу оценить, а стало быть, окажусь более подготовленным к тому моменту, когда настанет время воплощать в жизнь мои планы...

В четыре пополудни дверь кабинета приоткрылась, и просунувшаяся в щель голова Димы сообщила:

– Алексей Александрович, к вам Давыдов и Однер.

– Отлично, зови! – кивнул я, поднимаясь.

Эти господа являлись совладельцами созданной мной Санкт-Петербургской электро-математической артели. Вот такое оригинальное название имело это практически еще не существующее предприятие. Алексей Павлович Давыдов был создателем первой в мире системы управления огнем корабельной артиллерии. Разработка относилась к 1870 году и даже прошла во время русско-турецкой войны боевые испытания на вооруженном пароходе «Веста», одержавшем блестящую победу над турецким броненосцем «Фехти-бахри». Я был сильно удивлен этому факту, поскольку до сего момента не сомневался, что все значимые усовершенствования в военный флот всегда приходили из-за рубежа, ну, как минимум где-то до конца 40-х годов XX века.

Житель Петербурга с пятнадцатилетним стажем, швед по происхождению, Вильгодт Теофил Однер был известен как изобретатель в области арифмометров. Вот уже шесть лет арифмометры Однера выпускал санкт-петербургский завод Нобеля. И мой план заключался в том, чтобы соединить этих двух чрезвычайно одаренных людей, Однера и Давыдова, чьи мозги работали в очень похожем направлении (ибо что такое система управления огнем? Да тот же вычислитель!), – пусть образуют коммерческое товарищество, которое займется не только совершенствованием военных технологий, но еще и будет делать это за свой счет, финансируя военные разработки из прибыли от производства гражданских счетных машин. А возможно, они мне и какой-нибудь электромеханический компьютер изобретут. Он весьма кстати будет и в других областях – нам тут еще столько мостов и каналов строить, да и дорогами через некоторое время заняться стоит...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Приятно получать похвалу от человека, так же ее достойного (лат.). (Здесь и далее примеч. авт.)

2

Человеку свойственно заблуждаться (лат.).

3

САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты.

4

Потери России в начале XX века:

Первая мировая война – около 4 млн человек;

Гражданская война (с учетом эпидемий и эмиграции) – более 13 млн человек;

голод 1920–21 гг. – более 5 млн;

голод 1932–33 гг. – более 7 млн.

5

Это выражение часто приписывают то Людовику XIV, то Наполеону, но на самом деле оно гораздо более раннее.

6

Канкан – энергичный французский танец, часто исполняемый в кабаре. Долгое время считался непристойным. До конца XIX века выступал в виде эдакого протостриптиза.

7

В конце XIX века еще существовало разделение на марксистов и классических социалистов, исповедующих идеи Фурье, Оуэна и прочих. Социалистами-утопистами классических социалистов стали называть только после победы социалистической революции в «одной отдельно взятой стране».

8

Иудей – это не национальность, а именно вероисповедание в классическом представлении. А по крови евреи – часть семитских племен, подавляющее большинство которых (от 300 до 400 млн, по разным оценкам) составляют арабы.

9

ПТО – противотанковая оборона.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/general-admiral>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)